

—ПИТЕР— УОТТС

ЭТО ЗЛАЯ РАЗУМНАЯ
ОПУХОЛЬ

18+

Питер Уоттс

Это злая разумная опухоль

Серия «Миры Питера Уоттса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68669530

*Это злая разумная опухоль: Издательство АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-132689-0*

Аннотация

Сборник эссе Питера Уоттса, создателя «Ложной слепоты» и трилогии «Рифтеры», лауреата премии «Хьюго» и одного из самых необычных и талантливых научных фантастов современности. Здесь научные теории соседствуют с пронзительными мемуарами, рецензии на фильмы и книги с неожиданными и провокационными футурологическими прогнозами, жесткий социальный комментарий с передовыми гипотезами из мира биологии и физики, а невероятная искренность с черным юмором. Однажды Питера Уоттса чуть не съела бактерия. Он вырос в семье ревностных баптистов, которые ненавидели подарки. Как-то шизофреник чуть не сжег его дом. Уоттс с легкостью пишет об особенностях человеческого мышления и сознания, климатических изменениях, языке дельфинов, неминуемом конце света, «Звездном пути», «Солярисе», «Прометее» и творчестве Филипа К. Дика. Спектр интересов Уоттса огромен, а взгляды – всегда парадоксальны.

Содержание

Питер Уоттс – это злая разумная опухоль	5
Влюблен в текущий момент. До усадки напуган будущим	5
Всему, что нужно знать о Рождестве, меня научила бабушка	16
Нам нужно поговорить о Кевине[6]	21
Так это и начинается	33
Генеральная репетиция	39
Экстраординарные утверждения	48
Почему я бездарь	65
Черный Рыцарь. In memoriam	69
Viva Zika!	77
Зундс, гадзукс и херов Сизиф	85
На самом деле хорошего человека можно остановить	96
Ответный огонь	99
Дельфиний язык	108
Затаившийся полукolleктивный разум	117
Чувиха с клитором и другие замечания по поводу «Звездного пути: Бесконечность»[58]	123
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Питер Уоттс

Это злая разумная опухоль

© 2019 by Peter Watts

© Роман Демидов, перевод, 2022

© Василий Половцев, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Были предприняты все попытки обеспечить достоверность представленной в этой книге информации, ссылки на размещенные онлайн материалы могли с течением времени измениться. Все содержащиеся в этой книге высказывания являются личной точкой зрения автора.

Известный своим невероятно мрачным взглядом на человеческую натуру и восхитительным умением исследовать странные стороны эволюции и животного поведения, Уоттс – один из тех писателей, кто проникает в ваш мозг и обосновывается там, подобно злой разумной опухоли.

Аннали Ньюш, io9

Питер Уоттс – это злая разумная опухоль

Влюблен в текущий момент. До усрачки напуган будущим

Во имя кишок Христовых, мужик, *зачем?*

Я не буду вас винить, если вы зададите этот вопрос. Он определенно был первым сорвавшимся с моих губ после того, как Джейкоб Уэлман из издательства Tachyon предложил эту идею. Неужели во второй раз я прозвучу лучше, неужели мои тирады и размышления – изначально беспорядочно набрасываемые в течение пары десятков лет – каким-то образом станут более убедительными, когда из них выпарят концентрат и выпустят его единым высокооктановым блоком?

И самое главное – кто вообще теперь читает блоги? Кто станет продираться сквозь затянутые эссе, в то время как твиттер легко позволяет кому угодно – невзирая на опыт, грамотность и склонность писать капслоком – взвешенно рассуждать о сложных и неоднозначных проблемах в текстах объемом 280 и меньше знаков? И даже хуже – кто станет продираться сквозь затянутые эссе, когда их срок годности вышел несколько лет назад? Блоги как социальная валюта де-

вальвировались, перейдя с передового рубежа в мейнстрим, а потом превратившись в мишень для шуток в веб-комиксах.¹

И мой блог – «Никаких настроений, реклам и злобучих миленьких иконок», если вам интересно официальное название, – просуществовал все это время.

Я забыл, когда именно он зародился. У меня получилось отследить его историю как минимум на шестнадцать лет в прошлое: посты 2004 года все еще влачат жалкое существование в сети, если знать, где искать; двойные колонки текста: одна для личных новостей, вторая для научных комментариев – на сиреневато-синем фоне. Тогда мне не нужна была никакая вонючая сторонняя блог-платформа. Я написал все это вручную, в html. Это была своего рода политическая акция: само название блога – язык, высунутый в сторону «Живого журнала» с его полями «настроение», и вездесущей рекламой, и, ну, злобучими миленькими иконками. Если платой за вход были спам и слащавость, я не желал иметь с этим никакого дела.

Разумеется, в итоге я сдался. Переехал со своего протоблога эпохи Web 1.0 на Blogger, а с Blogger – на Wordpress. Основной сайт rifiers.com – «Никаких настроений», да, но вдобавок еще множество альтернативно-реалистических

¹ Если вам так уж важно это знать – в комиксе Saturday Morning Breakfast Cereal. <https://www.smbc-comics.com/comic/fixing-social-media> (здесь и далее, за исключением случаев, отмеченных особо, примечания автора).

окошек в миры моих романов – переселился из Канады в Калифорнию, а потом за море, в Исландию, чтобы сбежать из-под назойливой юрисдикции обменивающихся данными стран Пяти Глаз. (А вы знали, что в Исландии право на защиту личной информации в сети охраняется конституцией? Если какому-нибудь шпику из Европы или Северной Америки захочется сунуть нос в логи вашего сервера, Исландия пошлет его в жопу. Чем больше я узнаю об этом месте, тем больше мне хочется отправить туда ходатайство о предоставлении статуса беженца.)

Конечно же, пока я был занят перескакиванием с платформы на платформу и из государства в государство, все остальные подались в твиттер – миграция была столь всеобъемлюща (можно даже сказать «обязательна»), что иные литературные агенты отказывались от талантливых и блестящих авторов только потому, что у тех не было аккаунтов в твиттере.² Я не желаю следовать за ними. Мне удалось миновать все социальные сети, за исключением фэйсбука, да и с ним я связался только потому, что меня задолбало слышать «Чувак, а ты видел, что там про тебя на Фейсбуке написали?», не имея возможности это прочесть.³ Если уж мне

² Это правда. Случилось с моим другом.

³ Знаю, знаю. В свою защиту могу сказать, что пользуюсь им, в основном чтобы давать ссылки на посты из собственного блога – а в тех случаях, когда чувствую необходимость поставить лайк чьему-то посту, я всегда использую Оранжевый Эмодзи Апоплексической Ярости, а не стандартный большой палец. (А еще частенько ставлю сердечки диатрибам брызжащих слюной отрицателей глобально-

суждено погрязнуть в этом болоте капитализма слежки вместе со всеми вами, я хотя бы буду выкладывать свои фантазии о поедании богачей на сайте, который не забанит меня в одну секунду, если какому-нибудь алгоритму, охраняющему стандарты сообщества, почудится вдруг голый сосок на jpeg-картинке. Блог продолжает существовать. Если вам интересно мое мнение, вы знаете, где меня найти.

Вопрос, конечно, в том, скольким людям на самом деле интересно мое мнение.

Число их изменилось со временем. Уж это я знаю точно. Меня порадовал всплеск посещаемости после того, как я впервые был номинирован на «Хьюго», но то была ерунда по сравнению с подъемом, спровоцированным моим арестом (и последующим судом) при бегстве из США в 2009 году. И даже это померкло, стоило мне запостить живописные фотки огромной дыры в моей ноге: сгнившее мясо отвалилось и счищено, икроножная мышца дергается, будто полосатый окунь, на дне кровавого провала размером с Австралию. Какое-то время я был так же популярен, как любая гифка с милым котиком, только по совершенно противоположной причине.

В тени этих вершин лежат многочисленные холмы. Я начал бесплатно выкладывать в Интернет свою прозу. Мне за-

го потепления, просто чтобы не попасть под прицел фейсбучных алгоритмов.) Тут есть лишь один реальный недостаток: мои друзья постоянно спрашивают, отчего я вечно на них злюсь.

претили въезд в США. У меня набрался довольно обширный список номинаций на премии, и значительно меньший – побед. Я сделался необъяснимо популярен в Польше (что предвосхитило проявившуюся позже закономерность, по которой у моих книг непропорционально высокие продажи в странах с опытом советской оккупации – по крайней мере, они лучше, чем в странах, оккупированных США). Меня чуть не прикончил некротический фасциит; когда ему это не удалось, я женился. Я поучаствовал в создании норвежской блэк-металлической научной оперы об отправке мраморных протоптеров на Марс. Начал писать ежемесячную колонку для польского журнала о фантастике (отдельные тексты оттуда ожидают вашего внимания под этой самой обложкой). Я видел, как вымирает вся моя родня, за исключением одного неприятного старшего брата, чьи отношения с детьми традиционно вызывали подозрения. (Теперь мы с ним почти не разговариваем.)

Кое о чем из вышеперечисленного вы сможете прочесть на этих страницах. Но, конечно, не обо всем: из приблизительно 660 000 слов, которые я вылил в блог за прошедшие годы, я отправил Джейкобу всего лишь 180 000. А он оставил от них еще меньше – 80 000. Почти девяносто процентов блога было отбраковано, прежде чем он предстал перед вашими глазами; пусть вас ободрит вероятность того, что тексты, прошедшие через настолько драконовские фильтры, должны быть как минимум читабельны, хоть и не вполне

неподвластны времени.

Я мог бы поворчать насчет итоговой подборки. Мне хотелось бы еще раз поделиться любовно запечатленной и интимной хроникой моей колоноскопии 2012 года. Было бы приятно лишний раз напомнить о моей нелюбви к «Интерстеллару», моем уважении к несправедливо порицаемому «Солярису» Содерберга, моем двойственном отношении к «Из машины» (но вы хотя бы узнаете о моем двойственном отношении к «Бегущему по лезвию 2049» и моей нелюбви к «Звездному пути: Бесконечность»). Моя трактовка Климатгейта обладает определенным простонародным очарованием, как и мое мнение относительно того парня, который использует картинки с изуродованным скотом для выявления политической ориентации. Архивистов мог бы заинтересовать отзыв на «В поле зрения», после которого меня наняли, чтобы написать роман по этому сериалу (а потом уволили из-за другого поста на ту же тему). Все это сюда не попало. Жаль.⁴

С другой стороны, вы ознакомитесь с моими мыслями о лихорадке Зика как о потенциальной спасительнице человечества; об отважной преподавательнице английского, едва не потерявшей работу из-за того, что хотела прочесть со своими учениками «Ложную слепоту»; и об опубликованных в

⁴ Благодаря любезному разрешению автора его эссе об «Интерстелларе», «Солярисе», «Из машины» и сериале «В поле зрения» все-таки вошли в это издание. (Прим. ред.)

рецензируемом журнале выводах Дэрила Бема о телепатических способностях, опосредованных порнографией и проникающих время. Вы прочтете о Втором пришествии, которое, похоже, случилось в 2015 году, – только на этот раз в тот момент, когда оно произошло, Мессии делали ЭЭГ. Вы столкнетесь с большим количеством поминальных речей, чем кому-либо может понадобиться. И с рассказом о том случае, когда я нечаянно растворил жабу.

Эй, не надо на меня так пялиться. Я просто написал всю эту хрень. Хотите кого-нибудь обвинить – так это Джейкоб решал, что печатать.

Здесь также будет довольно много злости: на то, как мы засрали планету, на наше нежелание взять на себя ответственность за устроенный нами бардак, на дебильное восхваление человеческого поведения, которое, если убрать технологию и рационализацию, не сильно отличается от повадок диких зверей. Если прищуритесь, то сможете заметить в моих текстах последних десяти лет некий тренд. Раньше в том, что я писал, прослеживался такой подтекст: «Срань господня, народ, давайте развернем эту тачку, пока она не грохнулась с обрыва». А сегодня я скорее скажу вот что:

«Пожните бурю, жалкие уебки.

Пусть ваши дети поперхнутся ею» —

это, если что, цитата из эссе, которое сюда не попало.⁵ Я

⁵ «Умилительный оптимизм МГЭИК», 26 октября 2018 года.

понимаю, почему Джейкоб не включил его в книгу: оскорбления обычно не считаются лучшим способом привлечения потенциальной паствы, особенно когда настолько большое количество читателей изначально пребывает в патологическом состоянии отрицания. Если, прочитав эти слова, вы отложите этот сборник и никогда больше не откроете его – все нормально.

Вы просто докажете, что мы оба правы.

И тем не менее моему блогу предпослан такой эпиграф: «Влюблен в текущий момент. До усрачки напуган будущим». Вы заметите, что я использовал его в качестве названия для этого вступления.

Это потому, что Текущий Момент так драгоценен. Потому, что рвущий планету апокалипсис меня пока что не коснулся. О, я вижу, как он приближается, намного быстрее, чем кто-либо мог ожидать. Когда дело касается изменения климата, оптимисты всегда ошибаются, а пессимисты слишком оптимистичны; перемены очевидны даже на моем заднем дворе. Но *расплачиваются* за это – вынужденной миграцией, голодом, потерей дома и работы, смертью от болезней, насилия или попросту гипертермии – пока что другие. На чисто эгоистическом уровне я сейчас счастливее, чем когда-либо в жизни, счастливее, чем заслуживаю. Конечно, долго это не продлится. Я не надеюсь умереть спокойно и не надеюсь умереть в государстве со стабильной инфраструктурой. По крайней мере, мне не нужно беспокоиться о том,

какой мир я оставлю своим детям: я стерилизовался в девятнадцатом году.

Величайшая трагедия, чудовищный экоцидальный грех нашего вида в том, что мы до сих пор принимаем так много решений, полагаясь на нутро – а для нутра Текущий Момент всегда реальнее Будущего. Я так усердно пытаюсь смотреть вперед, смотреть хотя бы *по сторонам* – на огненные смерчи, и засухи, и периоды убийственной жары, на миллионы климатических беженцев, на волны пандемий и общественный коллапс, на истощенные ошметки биосферы – но слишком часто у меня не получается. Мои глаза видят письма на стене, но нутро не дает их прочесть. Мы запрограммированы на обманчивый оптимизм. Даже перед лицом апокалипсиса мы воображаем себя Безумными Максами. Кто же станет воображать себя одним из черепов, наваленных на заднем плане?

Мне суждено стать одним из этих черепов, и вам тоже – но сегодня еще можно найти повод для радости, даже здесь. Пусть мой блог и служит провозвестником гибели – но еще он служит песочницей для идей. Вы можете увидеть, как я восторженно распаковываю научные открытия, верчу их так и этак, выясняю, как их можно инкорпорировать в собственные истории. Вы можете пронаблюдать, как я разбираю по косточкам свежий фильм про Чужих, словно до сих пор учусь в аспирантуре и все мы сидим вокруг барного стола, уставленного полупустыми кружками. Если не буде-

те моргать, то сможете даже заметить мгновения оптимизма на климатическом фронте, проблески надежды, порожденные политическими и технологическими достижениями, которые, возможно, означают, что у нас еще есть крохотная вероятность искупить свою вину.

Даже самые ядовитые мои диатрибы могут быть не до конца фаталистичными. Мне никогда не были близки тихая обреченность и уход смиренный в сумрак вечной тьмы, за которые выступают люди вроде Джема Бенделла и Кэтрин Ингрэм. Во мне куда больше ярости, чем смирения.

Может быть, это значит, что я пока еще не сдался.

Местами я сжультничал, чтобы задним числом представить себя в лучшем свете, подрезав кусочки некоторых эссе, если они слишком сильно пересекались с другими. Колонки из журнала *Nova Fantastyka* содержали определенное количество ремарок, адресованных польским читателям, которые для вас, жителей Северной Америки, не имели бы никакого смысла, – от них я избавился. Возможно, я кое-где подправил те или иные тирады, чтобы включить в них (или хотя бы упомянуть) новую информацию. Скорее всего, вы не заметите этих отличий, если только не прочешете весь архив в поисках неприятностей на свою голову. Я бы вам этого не советовал. Все изменилось к лучшему.

Однако я так и не ответил на вопрос, с которого начал: «Зачем вообще это делать?» Я до сих пор не до конца понимаю. Возможно, блогуары сейчас в моде, как космическая

опера или литература Dumb Adult. В конце концов, этот, как его, Скальци уже дважды выпустил сборники постов из своего блога, и никто не жаловался.

Иисусе. Надеюсь, от меня не ждут, что я буду конкурентом Скальци. Да мне ни в жизнь не выиграть состязание в популярности у этого парня. Он такой, такой... *жизнерадостный*. Как мне с ним тягаться?

Полагаю, я мог бы поменьше сыпать ебаной нецензурщиной...

Всему, что нужно знать о Рождестве, меня научила бабушка (Блог, 25 декабря 2011 года)

Рождество в доме профессиональных баптистов всегда было временем задуматься о радости дарения. В моем случае оно оказалось палкой о двух концах, так как, с другой стороны, это было время не думать о радостях «получения». Видите ли, выделять хоть какие-то нейроны для размышлений о том, что тебе могут подарить на Рождество, – так не по-христиански: нам положено бескорыстно заботиться о других, а не гадать, достанется ли тебе столь желанная моделька бронемашины Капитана Скарлета от Dinky. (Я никогда до конца не понимал, как примирить эту чушь про «добродетель бескорыстия» с тем фактом, что единственная цель щедрости – это билет в рай, в то время как Розенберги, живущие дальше по улице, окажутся в Другом Месте, но да ладно.)

В доме Уоттсов считалось дурным тоном демонстрировать хоть какой-то интерес к тому, что может достаться лично тебе двадцать пятого числа. В тех редких случаях, когда кто-то спрашивал, что ты хочешь получить на Рождество, кодекс чести требовал молчать – или хотя бы отмахнуться от вопроса, сказав что-нибудь вроде «Да я об этом как-то и

не думал». Подойдя к периоду полового созревания, я сообразил, как обыграть эту систему (просто выдать всем самодельные открытки, на которых написано «В честь Христова Рождества я сделал от твоего имени пожертвование в ЮНИСЕФ» – никто и никогда не был настолько бестактен, чтобы попросить у меня чек). Но даже после этого концептуального прорыва рождественское утро так и осталось довольно унылым мероприятием, во время которого люди сидели с натянутыми и безжизненными улыбками и благодарили друг друга за подарки, которые их явно бесили, причем бедолаги не могли даже пожаловаться, потому что, в конце концов, никогда и никому не говорили, чего им хочется. В число подарков, врученных лично мне в детские годы, входили пижамы, большая катушка розовой с зазубринками ленты для укладки волос и набор складных столиков для еды перед телевизором (что, как вы все знаете, является абсолютной, блядь, мечтой для каждого одиннадцатилетнего мальчишки).

Но *самый* лучший подарок в своей жизни я получил от бабушки по отцу, Эйвис Уоттс, да пожрет ее душу Потолочный Кот.

Эйвис была непревзойденной мастерицей в экономии. Например, поскольку день рождения у меня через месяц после Рождества, она частенько присылала мне один подарок, покрывавший оба праздника. В тот раз, о котором я веду речь, – кажется, это был мой тринадцатый день рождения, – она сэкономила даже на открытке. Сначала я этого не заме-

тил: сорвал упаковочную бумагу с коробки, извлек оттуда плоский кожаный кошелек и – думая, что внутри найдутся деньги (а что еще могут положить в кошелек, м-м-м?) – раскрыл его достаточно широко, но оттуда – куда более щедрая душа вложила бы двадцатку – выпала маленькая картоночка.

Даже не рождественская открытка. И не открытка на день рождения. Это было приглашение на вечеринку: по крайней мере, его украшали мультяшные розовые слоны и бокалы для мартини, а поверху шла веселенькая надпись:

НАДЕЕМСЯ, ТЫ СМОЖЕШЬ К НАМ
ЗАГЛЯНУТЬ!

А сразу под этим бабуля написала шариковой ручкой:

С Рождеством и днем рождения!

Я открыл приглашение и прочитал текст внутри:

Дорогой Питер,

Этот кошелек мне кто-то подарил, но у меня уже есть свой, и я подумала, что тебе будет приятно получить его на Рождество и день рождения. С днем рождения тебя!

С любовью, бабушка.

Р. S. Пожалуйста, передай папе, что умер дядя Эрни.

За предшествующие двенадцать лет я уже многое понял о Рождестве. Но Эйвис преподала мне важный урок о семьях – вот этот: семьи – отстой.

Этот урок выдержал испытание временем в течение тех

десятилетий, что пролегли между «тогда» и «сейчас». В отношениях с противоположным полом я частенько был вторым пилотом от вылета и до крушения; сопутствующие отношениям семьи прямо посреди полета наваливались на меня неодобрительным и дестабилизирующим балластом, и мое вынужденное присутствие на их посиделках под Рождество и День благодарения только подкрепляло мою решимость никогда не заводить собственной (как и, без сомнения, их убежденность в том, что их доченька заслуживает *гораздо* лучшего). Урок, который преподавала мне бабушка, всегда был для меня опорой.

До недавнего времени.

А теперь, как ни странно, я столкнулся с семьей, которая, ну, *не совсем* отстой. Честно говоря, она совсем не отстой. До меня это дошло не сразу. Им пришлось терпеливо и постепенно подманивать меня, как будто они завоевывали доверие дикой и осторожной кошки маленькими кусочками тунца. И неожиданно я свернулся калачиком у очага, а вокруг не было ни католиков-фундаменталистов, ни банкиров из Берлингтона, ни используемых в качестве дубины клюшек для гольфа. А значит, настало время неохотно отложить бабулин урок в сторону, выпустить его на свободу, завещать тем, кому он может еще пригодиться.

Я завещаю его вам. Обращайтесь с ним бережно. Внемлите его мудрости: он оказывается прав гораздо чаще, чем ошибается. На самом деле, сейчас он может быть правдивее,

чем когда-либо, поскольку я вполне мог захватить последнюю офигенную семью на планете.

Большинство семей – отстой. Особенно в это время года. Ничего страшного нет в том, чтобы признать это; ничего страшного нет в том, чтобы высказать им все в лицо. Пропустите для начала пару стаканчиков – так оно будет легче.

Счастливого Рождества.

Нам нужно поговорить о Кевине⁶

(Блог, 16 октября 2017 года)

«Ох, сука, – думаю я. – Сейчас меня опять арестуют».

В овраге, примыкающем к нашей земле, все больше и больше людей в униформе: городские рабочие, полицейские, парочка ребят с незнакомыми мне знаками различия. Два копа ломятся в палатку неподалеку от нашего забора. Их машины брошены перед домом: новенькие, в агрессивной черно-серой раскраске, потому что старые бело-синие недостаточно напоминали Бэтмобиль.

Это было всего лишь делом времени. Большую часть прошлой ночи Кевин снова угрожал деревьям смертью. Видимо, кто-то пожаловался.

Я включаю диктофон в мобильнике, убираю его в задний карман и мрачно продираюсь через кустарники. Миную тех двоих, чьи знаки различия не разобрал из окна: оказывается, они из Армии спасения («„Врата“: Рука Божия в Сердце Города»). Они выглядят обеспокоенными и готовыми помочь. Я гадаю, знают ли они, что Кевин – гей; «Салли Энн» – организация, знаменитая своей гомофобией.

⁶ Название эссе отсылает к роману Лайонел Шрайвер «We Need to Talk about Kevin» и снятому на его основе одноименному фильму; в русском переводе роман получил название «Цена нелюбви», а фильм – «Что-то не так с Кевином». (Прим. пер.)

– И что тут происходит? – спрашиваю я, проходя мимо. Один из них пожимает плечами, указывает большим пальцем на центр происходящего.

Копы подняли полог и теперь разговаривают со съежившейся фигурой, которая раскачивается в открывшемся нутре палатки. Когда я подхожу, они поднимают глаза.

– Привет. Это моя палатка. – Может, и не оптимальная фраза для того, чтобы растопить лед, но уж всяко лучше, чем «отвалите от бездомного и никто не пострадает».

Они пялятся на меня.

– Я отдал ее Кевину, чтобы он не мок под дождем.

Несколько месяцев назад случилась буря с ливнем, она пробила дыру в нашей крыше и промочила все вплоть до потолка гостиной. Тем вечером я вернулся домой и обнаружил, что Кевин прячется у нас на крыльце. Он извинился за вторжение. Это был первый наш разговор, хотя он обитал в овраге уже пару месяцев, не меньше.

– Он безобидный, правда. Кричит много, но когда успокоится, то даже обаятельный.

Один из копов ростом примерно с меня и шире. Второй достаточно низкорослый, чтобы пасть жертвой комплекса Наполеона. Это он первым говорит мне отойти, говорит, что я «мешаю их работе».

– Кевин? – зову я. – Ты в порядке, чувак?

Фигура в палатке продолжает раскачиваться.

Мне снова приказывают отойти.

– Беда в том, – говорю я, – что у вас, ребята, *очень* дурная репутация в плане обращения с чернокожими,⁷ у которых проблемы с душевным здоровьем (см.: Сэмми Ятим). Я беспокоюсь из-за того, что вы можете с ним сделать.

В какой-то момент этого разговора я вытащил из кармана телефон и переключил его на видеосъемку.

– Слушайте, если хотите вернуть свою палатку – мы вам ее отдадим.

– Дело не в палатке, он может ей пользоваться.

– Если хотите снимать – снимайте. Но вы *мешаете нашей работе*. Так что отойдите назад.

Я, несмотря на то, что подсказывают мне инстинкты, вынужден признать, что это резонно. Делаю несколько шагов назад.

– Дальше, – говорит тот, что пониже.

Еще шаг.

– Дальше.

Я решаю, что отошел на достаточное расстояние; уж точно вышел из Зоны вмешательства.

– Ну уж нет, – отвечаю я. – Я останусь тут.

Он не настаивает.

И, должен признать, они, похоже, как могут, пытаются сделать трудную работу. Никто до сих пор не выстрелил в Кевина (или в меня) из тазера или пистолета. Они не обост-

⁷ <https://www.thestar.com/news/gta/2017/07/21/siu-charges-civilian-in-beating-of-teen.html>

ряют конфликт, как бывает в случаях, кончающихся тем, что невооруженных людей расстреливают в спину или душат за продажу сигарет поштучно. Они на самом деле пытаются с ним *поговорить*.

Один из парней, работающих во «Вратах», уже имел с Кевином дело. Его приводят, чтобы он попытался убедить Кевина выйти из палатки. Я завожу разговор с чиновниками; они говорят, что разбивать палатки на землях общего пользования запрещено. Они предупредили Кевина за неделю до своего прихода. И еще вчера заскочили, чтобы напомнить, а когда не нашли его, оставили записку. Существуют приюты. Во «Вратах» для него найдется койка.

Однако в приюты Торонто не допускают животных, а у Кевина есть кошка: пугливая, толстая, черно-белая и короткошерстная, по кличке Черничная Панда. Раньше они жили в квартире, предоставленной Общественной жилищной корпорацией Торонто. Кевин договорился с властями, что квартплата будет автоматически вычитаться из его пособия по инвалидности. Он несколько месяцев думал, что его жилье оплачивается; он верил в это вплоть до того весеннего дня в прошлом году, когда ОЖКТ его выселила. По-видимому, они отказались авторизовать перевод после того, как не смогли связаться с Кевином по телефону и получить «устное подтверждение»⁸.

⁸ Для ОЖКТ это типично: они обращаются с жильцами презрительно, а любую просьбу считают наглой попыткой надуть систему. Я прожил так много лет,

Я объясняю все это чиновникам; они сочувствуют, но «что тут поделаешь».

– Чисто гипотетически, – спрашиваю я, – а что, если Кевин переселится к нам на задний двор?

Они так на меня смотрят, будто это я в палатке взад-вперед раскачиваюсь.

– Что ж, тогда он, конечно, не будет жить на землях общего пользования, но останется еще проблема с нарушением общественного порядка.

И они, разумеется, правы. Текущая ситуация не может продолжаться. Несколько ночей назад я стоял под дождем в два часа ночи в попытке разглядеть через забор, не грозит ли разведенный Кевином костер сжечь наш сарай или охватить весь овраг. Он не грозил; однако парень действительно нуждается в помощи. Я только не знаю, может ли нынешняя система оказать ему эту помощь. С точки зрения охраны душевного здоровья здесь все развалилось в говно с тех пор, как правительство решило срезать расходы, переведя всех на амбулаторное лечение. Меньшее зло, типа.

У парня из «Врат» ничего не получается; Большой Коп (офицер Бэрд, как я узнаю позже) подходит ко мне и говорит:

– Думаю, мы неудачно начали знакомство. Вы меня не знаете, вы судите меня по моей форме. Я честно пытаюсь по-

держа оборону против клопов и никчемной проводки. Когда я просил их разобратся с черной плесенью у меня в ванной или с метровой дырой в потолке, они буквально смеялись мне в лицо.

мочь этому парню; вы говорите, что общаетесь с ним? Может, тогда *вам* попробовать с ним поговорить?

– Да, хорошо, – отвечаю я, неожиданно чувствуя себя немного засранцем.

Мы возвращаемся к палатке Кевина – *моей* до недавнего времени, когда я отдал ее с условием, что он перестанет выкрикивать угрозы по ночам (или хотя бы начнет четко обозначать, что адресованы они не *нам*). Я помню, как он чуть грустно улыбнулся этим моим словам. Но теперь, вернувшись мыслями в прошлое, я понимаю, что никаких обещаний он не давал.

Кевин родом с Тринидада. Говорит с восхитительным текучим акцентом. В девяностые получил ученые степени в Университете Торонто по двум специальностям: химии и философии. Ну не круто ли?

А теперь ютится, полуголый, в лесу и сражается с чудовищами в три часа ночи.

– Кевин? Чувак? Помнишь меня?

В палатке воняет. Одна стенка разодрана там, где местные еноты пытались добраться до корма Панды. На грязном, добытом где-то матрасе высится горка зажигалок Bic. Куча пустых пластиковых бутылок. Недоеденная протухшая пища, завернутая в фольгу. Парочка пустых флаконов из-под лекарств (большой сюрприз). Рюкзак Кевина: из гнезда скомканных носков и трусов выглядывает тонкий краешек захватанного макбука.

Он сидит посреди всего этого, едва одетый: плечи укутаны грязным спальником, между пальцев догорает забытая сигарета. Он немного похож на перформера, изображающего Башню дьявола из грязи и мусора, которую Ричард Дрейфусс соорудил у себя в комнате в «Ближних контактах».

После нашего первого мокрого знакомства Кевин, приходя и уходя, махал нам с НПЕ⁹ с веселым «привет, соседи!». Порой одалживал двадцатку, чтобы заплатить за крышу и душ в местной бане, а однажды разбудил нас поздним субботним утром, чтобы узнать, можно ли воспользоваться нашей ванной. Время от времени он слегка перегибал палку – спрашивал, нельзя ли оставить у себя в овраге мой молоток, пытался выяснить у людей, присматривавших за домом, пока нас не было в городе, пароль от нашего WiFi – однако принимал «нет» в качестве ответа. Поначалу мы немного беспокоились, не случится ли с нами история про верблюжий нос, но Кевин уважал границы. И всегда был весел и обаятелен, при свете дня, по крайней мере.

От сигареты отваливается сантиметр пепла и дымится на матрасе. Я пытаюсь его затушить. Кевин отдергивается, не глядя на меня.

Я спрашиваю, как у него дела, пытаюсь напомнить о нашем общем прошлом, чтобы привести парня в себя:

⁹ НПЕ – «ненаглядная повелительница единорогов», прозвище, под которым в блоге Уоттса время от времени фигурирует его жена, автор фэнтези Кейтлин Суит. (Прим. пер.)

– Помнишь, как мы ставили эту палатку? Блядские насекомые меня чуть живьем не сожрали.

– Во сиреновом пространстве нет никаких насекомых, – резко говорит он.

Это уже что-то. Это больше, чем он сказал всем остальным. Я поддвигаю к нему кусок алюминиевой фольги:

– Просто чтобы от пепла, ну, знаешь, матрас не загорелся.

– Во сиреновом пространстве нет никакого пепла. Во сиреновом пространстве нет никакого матраса.

– Чувак? Что ты...

– Нет никакого тебя. Во сиреновом пространстве нет никакого...

Наконец до меня доходит. «Во всем времени и пространстве».

– Во всем времени и пространстве нет никакого тебя. Во всем времени и пространстве нет вообще ничего.

Теоретически это приличный защитный механизм. На каком-то уровне Кевин должен сознавать, что голоса, которые слышатся ему по ночам, твари, с которыми он воюет, пока все остальные пытаются уснуть, на самом деле не существуют. Поэтому он отвергает ложную информацию, вот только... чрезмерно обобщает. Он отвергает *вообще все на свете* как нереальное.

Я – ложная информация. С чего ему верить хоть каким-то моим словам?

Я совершаю еще несколько попыток, слегка утешаясь тем,

что хотя бы смог разговорить Кевина, пусть только для того, чтобы он отрекся от реальности. А потом наконец выползаю из палатки и поворачиваюсь к Бэрду и его братану:

– Он ушел в полный солипсизм.

– Что такое сол... солисизм?

– Он считает, что все, кроме него самого, нереально. Похоже, думает, что мы все – галлюцинации или что-то вроде того; как будто он больцмановский мозг какой-то.

Уже подъехала скорая помощь. Мы с офицером Бэрдом отходим в сторонку и смотрим, как один из врачей приседает и просит Кевина выйти.

– Просто хочу измерить тебе давление, приятель. – Это, пусть и не откровенное вранье, далеко от истинной правды настолько, что с тем же успехом могло бы ей быть. И тем не менее – что еще тут поделаешь? Кевин в своем нынешнем состоянии и тест Тьюринга не сможет пройти.

– Знаете, журналисты выставляют нас в негативном свете, – замечает офицер Бэрд. – Говнюки попадаютсЯ, конечно, но большинство из нас – хорошие люди. Я – хороший человек.

И я ему даже верю. Последнему утверждению, по крайней мере. Отвечаю:

– Я это понимаю. Проблема в том, что вы, хорошие люди, *покрываете* говнюков. Вынуждены, потому что вам придется полагаться на них в трудную минуту. Я понимаю причины, но вы должны признать, что в таких обстоятельствах по-

дозрительность – это логичный подход.

– Меня готовили к таким случаям. Я стараюсь снизить градус напряженности.

(Мне немедленно вспоминается парочка инцидентов из собственного прошлого, когда сотрудники правоохранительных органов, которые свободно могли повысить градус напряженности, отступали и решали вместо этого пойти на контакт. И другие – когда они, ну, этого не делали. Забавно, насколько вторые случаи сильнее отпечатываются в памяти.)

– Я всегда стараюсь решить дело миром, – продолжает Бэрд.

– Девяносто пять процентов змей тоже безобидны, – я обращаюсь к своей самой любимой биологической аналогии для полицейских, – но вы же все равно захватите в пустыню противоядие.

Он пожимает плечами и, кажется, сдается.

Кевина скрутили. Врачи провозят его мимо нас на каталке. Он обездвижен ремнями. Руки у него скованы за спиной наручниками. Он оглядывается, потерянный.

– Можно снять наручники, пожалуйста? – просит он. – Я не буйный.

Максимум три минуты прошло с того момента, как во всем времени и пространстве не было вообще ничего. Лишь мгновения назад он был пленником замкнутого круга, отрицавшего само существование внешней реальности. Теперь он совершенно адекватен. Он не понимает, почему с ним так

обращаются.

Наручники с него не снимают. Я их не виню. И все равно это разбивает мне сердце. Я говорю Кевину, что позабочусь о Панде, пока его не будет (пока все это происходило, маленький пухляш прятался у нас на заднем дворе). Мы с офицером Бэрдом бредем следом за каталкой; он дает мне номер своего жетона, телефон и адрес электронной почты на случай, если мне захочется узнать, как идут дела. («Скорее всего, у меня не получится сообщить вам никаких подробностей – это конфиденциальная информация – но, по крайней мере, я смогу сказать, что у Кевина всё в порядке».) Я думаю, не из тех ли он людей, которые согласятся ответить на несколько вопросов по фактологии, если мне понадобится ввести в рассказ копа.

Подходят городские рабочие в синих латексных перчатках и с мусорными мешками. Они говорят, что я могу забрать свою палатку, если хочу, но она уже ни на что не годится; я извлекаю полые трубки каркаса (думаю, что найду, куда их приспособить) и разрешаю им избавиться от всего остального.

Скорая уезжает.

У Кевина в голове два человека. Они плохо играют в команде; в любой момент у руля находится лишь один из них. Есть какой-то тумблер, ответственный за переключение между ними. Надеюсь, Кевин выяснит, как удержать его в своих руках.

А тем временем в кустах бродит черная тень и смотрит на меня желтыми глазами. Она потеряла лучшего и единственного друга; у Кевина есть свои недостатки, но эти двое были вместе почти десять лет, и он решил, что лучше будет ночевать без крыши над головой, чем бросит ее. И мы ее тоже не бросим. Она все еще не подпускает нас даже на расстояние броска фрисби, однако выбирается из укрытия, чтобы съесть оставленную нами еду, когда мы заходим в дом.

Думаю, это уже что-то.

Так это и начинается (Блог, 23 июня 2010 года)

Они могли провести чертов саммит «Большой двадцатки» в Хантсвилле, как саммит «Большой восьмерки» прямо перед ним; инфраструктура была уже подготовлена. Но они этого не сделали. Они решили воткнуть его в самое сердце Торонто, а потом построили закрытый лягушатник с искусственными пластиковыми деревьями и фотографиями озера Мускока во всю стену, чтобы почетные гости и журналисты могли прочувствовать величие канадской природы.

Или, если уж *обязательно* было делать это в Торонто, они могли бы воспользоваться новеньким центром на Эксибишн Плейс. Прямо на озере, оборудован по последнему слову техники, удобен для охраны. Создан специально для подобных случаев. Но нет: слишком ненавязчиво.

Вместо этого они огородили стеной огромный кусок центра. Никто не может войти или выйти без документов и досмотра. Маршруты поездов и трамваев разрезаны пополам, словно черви. Весь центр утыкан камерами в лучших традициях Великобритании, и эти козлы даже не *притворяются*, что уберут их по окончании торжеств; мы перескочили на новую ступень слежки из-за одной-единственной затянувшейся фотосессии. Половине города (включая Министерство Генерального прокурора) сказали сидеть дома до конца неде-

ли. Воротил с Бэй-стрит предупредили, чтобы они не ходили на работу в костюмах с галстуками: такая форма одежды, видите ли, означает, что вы «притворяетесь почетным гостем», делает вас подозрительным из-за того, что вы одеты так, будто хотите *смеяться* со свитами международного уровня в глубине Запретной зоны. (Те же, кто показывается в сердце делового района Торонто *без* костюма и галстука, разумеется, выглядят как протестующие, и мне не нужно объяснять вам, что ожидает *этих* несчастных ублюдков.)

Местным журналюгам их начальство выдало противогазы и бронежилеты. Ни один из них не думает, что газ или пули против него будут применять протестующие; четвертая власть бережет своих от ненавязчивой защиты местных правоохранительных органов, которые уже некоторое время патрулируют город крупными отрядами. Центр ими кишит, полицейские передвигаются натуральными стаями: мы встретили две разные банды, всего лишь пройдя несколько кварталов до дома после ужина. Туристов, которых застают за фотографированием Великой Стены, принуждают удалять файлы под угрозой ареста. Шум вертолетов за стенами моего дома непрестанен и оглушителен – сегодня днем я едва различил за ним землетрясение.

Давным-давно, то есть вечером в понедельник, я возвращался домой после ужина с приятелем, с которым познакомился в процессе Сквидгейта¹⁰; он приехал, чтобы обеспе-

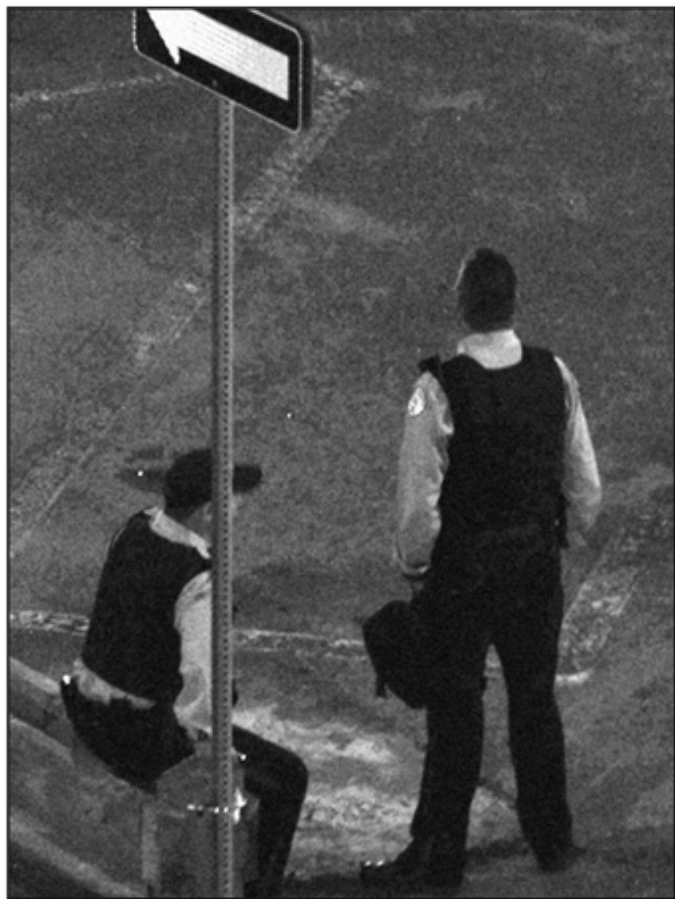
¹⁰ Прозвище Сквидгейт, по интернет-нику Уотса – Giant Squid (Гигантский

чить спутниковую связь для репортеров. (Кто-то из вас может знать его под ником uplinktruck; интересный парень, хороший собеседник и один из тех людей, которых хочется держать рядом; так хотя бы помнишь, что не все думают так же, как ты. Надеюсь, у нас получится повторить.) Я живу за много кварталов от Запретной зоны, а до начала саммита тогда оставалась почти неделя, однако вот что я встретил припаркованным напротив моего дома.

Я достал свой фотоаппарат. И сразу же ко мне подошли вот эти два джентльмена.

Кальмар), получил скандал, связанный с арестом писателя американскими пограничниками в 2009 году; подробнее о нем рассказывается в послесловии к авторскому сборнику «По ту сторону рифта». (Прим. пер.)

– Что вы делаете?

– Фотографирую. – Я даже улыбнулся.

– Вы фотографируете эти машины?

– Да.

– Зачем вы фотографируете эти машины?

– Я здесь живу. Очень необычно вернуться домой и обнаружить, что у тебя под окном спальни припаркованы четыре автозака. Я так понимаю, это из-за саммита.

Кивок.

– Скажите, а *вас* можно сфотографировать?

– Нет.

– А как насчет *вас*?

– Нет.

– Что ж, тогда на этом, наверное, мы и закончим.

На этом мы и закончили. Если не считать фотки, которую я сделал из окна прачечной на четвертом этаже, как только вернулся в безопасность дома (место съемки обозначено стрелкой на фотографии выше). Вечерняя съемка без вспышки, цифровой зум, фотограф, который не отличит Aperture Science от апертуры объектива, и все равно получилось довольно неплохо: нельзя не любить Canon Powershot.

А вот это мерзкое воинственное нечто, в которое превращается мой город? Это место, в котором деловые костюмы неожиданно стали подозрительными, а неулыбчивые мертвоглазые орки возникают из темноты и пытаются запугать

тебя из-за того, что ты делаешь фотку в общественном месте?

Его не любить можно.

Генеральная репетиция (Блог, 3 июня 2010 года)

Послание оттуда, куда мы пока что не добрались:

Бегущая строка в уголке дисплея сообщала о новом бунте в Гонкувере. Сверхсовременные охранные системы гибли, защищая стеклянные ипили и богатые кварталы – проигрывая не умникам хакерам и не превосходящей технологии, а напору живого мяса. Оружие захлебывалось, скрывалось под приливом живых тел, топчущих мертвые. У него на глазах толпа с торжествующими воплями проломил ворота. Тридцать тысяч голосов в нестройном хоре звучали как один голос, в котором уже не осталось ничего человеческого. Этот звук напоминал вой ветра.¹¹

Бетагемот

Неделя прошла – и бо́льшая часть мира, похоже, двинулась своим путем. Мы, в конце концов, лягушки – уберистимул из сферы нашего непосредственного восприятия, и мы забудем, что он вообще существовал. Но, предположим, мы были бы млекопитающими? Предположим, мы умели бы складывать два и два, учиться на собственном опыте? Какие полезные выводы могли бы мы сделать из мероприятий саммита «Большой двадцатки»?

¹¹ Перевод Г. Соловьевой и Ю. Вейсберга.

Во-первых, мы могли бы заключить, что лучший способ избежать столкновения с полицией – это начать разбивать окна и громить машины; в прошлую субботу вся Янг-стрит была охвачена бессистемным вандализмом, а мириады коп только стояли и наблюдали. С другой стороны, если бы вам захотелось получить дубинкой по хребту, лучшей стратегией было бы усесться посреди улицы и запеть «О Канада»; у наших отважных Парней в Синем, похоже, не было никаких проблем с тем, чтобы наброситься на *таких* нарушителей порядка со спины. Кроме этого, использовались следующие стратегии: окружить мирных протестующих рядами размахивающих щитами штурмовиков, приказать разойтись, а потом не давать уйти (один такой инцидент случился в двух кварталах от моего дома); не смотреть на удостоверения журналистов, арестованных, скажем так, по причинам, в которых теперь никто не признается; а также просто избивать случайных прохожих без повода.

Впоследствии полицейские пытались вывернуться парочкой способов. Поначалу они заявляли, что «собственность можно вернуть, а жизни – нельзя», поэтому их стратегией было просто позволить протестующим «растратить силы» в борьбе с витринами (и, видимо, с теми брошенными и подожженными полицейскими машинами, из которых странным образом исчезли – можно даже сказать, «были демонтированы» – компьютеры, обычно украшающие приборные доски подобных автомобилей). Когда же это перестало сты-

коваться со все большим количеством видео, в которых безоружных граждан вяжут или бьют сапогом по голове, нам сказали, что злодейские анархисты поскидывали свои черные костюмы и смешались с обычными людьми; что оставалось делать полиции, кроме как нападать на людей, которые выглядели обычными, – просто на всякий случай?

Циник мог бы заподозрить, что правда гораздо проще: за дубинками, и слезоточивым газом, и защитными шлемами пряталось трусливое ссыкло, не желавшее идти против кого-то, вооруженного хотя бы подобранным на улице кирпичом. Кого-то, кто может начать по-настоящему *отбиваться*, когда на него нападут. Бросаться на безоружных протестующих, сидящих на тротуаре, гораздо безопаснее.

Начальник полиции Билл Блэр не просто признался, что солгал о массовых арестах и драконовских законах, которых на самом деле не существовало; он *хвастался* этим с усмешкой на лице. Огромному количеству граждан – участникам демонстраций, журналистам, бегунам, *покупателям в магазинах*, господи боже, – заявляли, что их арестуют, если они будут сопротивляться обыску на улице, если не предъявят документы по первому требованию. Большинство подчинилось; многих все равно арестовали под какими-нибудь надуманными предлогами, которые погоны смогли вытянуть из своих незаконных обысков. Если вдруг у вас в кармане обнаружился перочинный ножик-брелок, вы были виновны в обладании «потенциальным оружием». Если у вас в рюкзаке

завалился респиратор – ну, знаете, такая одноразовая штука, которой художники и дезинсекторы пользуются для защиты дыхательных путей от паров, дыма и растворителей, – значит, вы пытались «утаить свою внешность». (У одной женщины, арестованной под этим предлогом, респиратор был с собой потому, что она художница – работала как фрилансер с полицейской службой Торонто.) Как я понял, до одного чувака докопались потому, что он возвращался с футбольного матча с вузуелой;¹² она могла использоваться, сказали ему, для «призыва к насилию». (Конечно, это было прежде, чем он представился как государственный обвинитель. Почему-то среди девяти сотен арестованных его в итоге не оказалось)¹³.

Итоговым выводом из всех этих сообщений и фотографий может стать вот что: если мы и не хотели смести этих штурмовиков с оружием и в шлемах раньше, то уж точно хотим это сделать *сейчас*. Когда люди, чья задача – охранять закон, лгут гражданам о самой сути этого закона; когда они отдают «правомерные приказы» разойтись, а на самом деле разойтись никому не позволяют; когда они задерживают, обыскивают, арестовывают и бьют простой народ, не имея иной причины, кроме «сайлоны теперь выглядят как мы», – возможно, мы уже миновали рубеж, за которым могли позволять

¹² Это, впрочем, действительно преступление, достойное тюремного срока.

¹³ Как и членов так называемого «Черного блока», насколько мне известно. Но кто теперь будет считать?

этим бандитам и отморозкам себя топтать. Может быть, пора начать топтать их в ответ.

Так отреагировать несложно, учитывая все, что мы видим своими глазами, и самодовольные признания самих представителей властей. Трудно не почувствовать, как закипает кровь. Конечно, проблема с тем, чтобы дать сдачи, была очень внятно сформулирована человеком, пишущим под ником AngusM¹⁴, после моей тирады о разливе нефти по вине ВР: каждый акт насилия со стороны нас, маленьких людей, может быть использован для оправдания «усиления репрессий во имя „безопасности“. Нападающих могут выставить „экстремистами“ и „фанатиками“, в то время как государство изобразит себя охранителем „мира“ и „стабильности“. Террористические атаки усиливают, а не ослабляют деспотов».

Не думаю, что с истинностью аргументов AngusM можно поспорить. Следует указать, однако, что на самом деле это никакой не аргумент против насилия. Это аргумент *в пользу* насилия – точнее, аргумент, высвечивающий ни с чем не сравнимую эффективность насилия как метода достижения целей. В конце концов, когда государство закручивает гайки, оно это делает не с помощью цветочков и пушистых котят; оно это делает с помощью пушек, газа и снайперов. Проблема не в том, что насилие не работает; она в том, что насилие работает чересчур хорошо, а противник захватил рынок.

¹⁴ <https://rifters.com/crawl/?p=1372#comment-25156>

Неважно, сколько огнестрела накопит отдельный человек, — по сравнению с государством мы все голы как младенцы.

Но если насилие играет на руку тиранам, *ненасилие* делает то же самое. Мне не кажется, что в этой стране у нас есть какая-то реальная возможность приблизить перемены, работая в рамках политического процесса, так как невозможно устроить политическую кампанию без корпоративного спонсорства. Нельзя победить на выборах не распространив свое послание; послание не распространить без поддержки богатых бенефакторов; потенциальные бенефакторы разбогатели в первую очередь за счет того, что статус-кво прекрасно на них работает, благодарим покорно, и они не станут поддерживать кандидата, который может вынудить их разгрести тот бардак, что они устроили.¹⁵ Собственно, они делают все возможное, чтобы подобные кандидаты точно никогда не пришли к власти. Черт, да посмотрите на Обаму в США: потенциально самый радикально передовой президент за несколько поколений, но по достижениям в сфере гражданских прав и прозрачности правительства его трудно отличить от Буша-младшего.

Бюрократические и политические организмы похожи на любые другие: они существуют в первую очередь для того, чтобы продлевать свое существование за счет других си-

¹⁵ Честно говоря, большая часть населения тоже вряд ли проголосует за кандидата, который призывает их перестать жить не по средствам, повзрослеть уже, бляха-муха, и понизить свой уровень жизни до чего-нибудь чуть более рационального.

стем. Вам не убедить такой организм действовать в ущерб его непосредственным интересам. Поэтому, похоже, мы оказались в ситуации, когда работа на перемены в рамках системы тщетна, бунт *против* системы (даже ненасильственный) провоцирует еще большие репрессии со стороны государства, а протест разрешен лишь тогда, когда он неэффективен и когда (как в случае недавних саммитов) ни одна из мишеней недовольства не оказывается даже в поле зрения недовольных.

На самом деле это не новость, но мы, видимо, живем в мягкой диктатуре. Единственные решения, которые нам позволено принимать, – это те, у которых нет реальных последствий.

Но есть одна возможность, способная подарить некоторым повод для надежды, – шанс, что в глубине души, каким бы это ни казалось странным, они боятся нас больше, чем мы – их. Шанс, что по иронии судьбы именно этот страх заставил их провести встречу Двдцатки прямо у нас под носом, хотя в любом другом месте она создала бы куда меньше помех. Шанс, что создание помех для маленьких людей в каком-то смысле и было главной целью этого мероприятия.

Понимаете, им не просто нужно было показать *нам*, кто здесь начальник. Им нужно было убедить *себя самих*.

В кои-то веки это предположение не моего лихорадочного параноидального маленького мозга. Я позаимствовал его у

парня по имени Джефф Доу (он же Edifice Rex)¹⁶. Его любопытный вывод насчет выбора места для саммита «Большой двадцатки» заключается в том, что – сознательно или подсознательно, но тем не менее *намеренно* – это «было предназначено не столько для того, чтобы запугать жителей страны... сколько для того, чтобы *успокоить* наших так называемых лидеров».

В его рассуждениях есть жутковатая логика. Уж конечно, к нынешнему времени мировые лидеры заметили предзнаменования: рушащуюся инфраструктуру, финансовые крахи, бесконечные экологические катастрофы, которые – абсурдно, вопреки лелеемым ими убеждениям – на самом деле *уже* разрушают экономику, задолго до того, как они смогли спокойно умереть, предоставив следующему поколению платить по счетам. Если их сознание еще не уловило запах подступающих нечистот, то хотя бы мозговой ствол должен порождать некое неясное ощущение ужаса каждую ночь, когда они лежат в темноте на своих простынях плотностью вдохреналлионы нитей. На каком-то уровне, сознательном или нет, они понимают: что-то здесь *серьезно* не так, и – сознательно или нет – боятся до усрачки.

Снова Доу:

«...Стивен Харпер намеренно устроил в центре Торонто „чертов бардак“ не потому, что мог, а потому, что, делая это, чувствовал себя сильным; эксплуатация

¹⁶ <http://ed-rex.livejournal.com/201222.html>

власти для того, чтобы помыкать 19 000 вооруженных мужчин и женщин, – это форма магического мышления, которая, как кажется ему и „его приятелям“, может развиться в способность помыкать экономикой и погодой».

Сознательно или нет, Торонто превратили в вооруженный лагерь потому, что наши «лидеры» предвидят время, когда только с помощью грубой силы смогут удержать поводья своей иллюзорной власти.

Не знаю, верю ли я в это объяснение. Оно приписывает лидерам «Большой двадцатки» (по крайней мере, их мозговым стволам) такую проницательность, которая, мне кажется, не слишком часто встречается среди этого народца. Но, по крайней мере, это правдоподобная модель, учитывая имеющиеся данные; может, на прошлой неделе эти люди действительно устроили в Торонто Бастилию.

Может, то, чему мы стали свидетелями, было – по крайней мере, на каком-то неосознанном уровне – генеральной репетицией Революции.

Экстраординарные утверждения (Блог, январь 2011 года)

Я симпатизировал Дэрилу Бему еще с 1994 года, когда в *Psychological Bulletin* появилась его соавторская работа: метаанализ, предположительно демонстрировавший воспроизводимые доказательства экстрасенсорных феноменов. Я воспользовался ей в «Морских звездах», когда искал какой-нибудь способ оправдать ограниченную телепатию, проявляющуюся у рифтеров в обедненной среде. Бем и Хонортон подарили мне надежду, что нет вещей, безумных настолько, что нельзя найти в рецензируемом журнале статью для их подтверждения, если хорошенько поискать.

Вдобавок они подарили мне надежду, что экстрасенсорика может *на самом деле* существовать. Есть до хренища вещей, в которые я бы с удовольствием поверил, найдишь им доказательства, но не могу, потому что считаю себя эмпириком. Однако если бы обнаружилось доказательство существования телепатии? Предвидения будущего? Телекинеза? Разве это было бы не *круто*? А Бем не был чудачком: он был (и остается) почитаемым специалистом в сфере общественных наук (оставим пока этот оксюморон в стороне) из Корнелла, причем одним из лучших в своем деле. У него есть *авторитет*.

Но из этого ничего не вышло. Были ворчанье и возра-

жения насчет стандартизации исследований и того, насколько обоснована трактовка статистики, – типичные жалобы, всплывающие всякий раз, когда анализ переходит на метауровень. Больше всего мне тогда запомнилась точка зрения (упомянутая в обсуждении), будто эти результаты, что о них ни думай, как минимум настолько же убедительны, как те, на основе которых запускаются в продажу новые лекарства. Мне она понравилась. Она давала перспективу (хотя по прошествии лет ясно, что она скорее говорила о плачевном состоянии контроля качества в фарме, чем о вероятности того, что Кэрри Уайт поубивает своих одноклассников на выпускном).

В общем, Бем вернулся и на этот раз наделал куда больше шума: *Journal of Personality and Social Psychology* публикует результаты девяти экспериментов, восемь из которых должны продемонстрировать статистически значимые доказательства не только существования экстрасенсорики, но и настоящего *предвидения будущего*. В *New York Times* среагировали раньше всех;¹⁷ остальные, от *Time* до *Huffington Post*, встрепенулись и побежали следом.¹⁸ Большая часть реакций в непрофильных СМИ была предсказуема и довольно бестолкова: *Time* ошибочно принимает объяснение Бемом того, как он учитывал артефакты исследования, за своего ро-

¹⁷ <https://www.nytimes.com/2011/01/06/science/06esp.html>

¹⁸ https://www.huffpost.com/entry/do-we-have-one-extra-sens_b_808417

да признание, что эти артефакты он вообще не учитывал;¹⁹ Winnipeg Free Press попросту упоминает его исследования как один из нескольких примеров во время продолжительных стенаний об упадке рецензируемой науки.²⁰ Возможно, самую обоснованную критику предлагают Вагенмакерс и др. (в статье, которая должна появиться в одном выпуске с работой Бема) и Джеймс Оллок в тексте, опубликованном на сайте Skeptical Inquirer²¹ (который стал причиной своего рода трехстороннего обмена пощечинами²² с Бемом²³ и одним из его соратников²⁴). И хотя я ни в коем случае не отмечаю все контраргументы, даже заявления некоторых наиболее эрудированных скептиков кажутся немного подозрительными – а то и *недобросовестными* – тому, кто на самом деле прочитал исходный материал.

Я не буду закапываться в подробности; почитайте источники, если вам интересны практические моменты. Но, говоря в общем, мне нравится то, что задумал сделать Бем. Он взял классические, давно испытанные психологические те-

¹⁹ <http://healthland.time.com/2011/01/12/wait-esp-is-real/>

²⁰ <http://www.winnipegfreepress.com/opinion/view/science-journals-in-decline-113189344.html>

²¹ http://www.csicop.org/specialarticles/show/back_from_the_future

²² http://www.csicop.org/specialarticles/show/response_to_bems_comments

²³ http://www.csicop.org/specialarticles/show/response_to_alcocks_back_from_the_future_comments_on_bem

²⁴ <http://deanradin.blogspot.com/2010/12/my-comments-on-alcocks-comments-on-bems.html>

сты – и просто провел их задом наперед. Например, наши воспоминания о каких-то предметах обычно сильнее, если нам довелось с этими предметами взаимодействовать. Если кто-то покажет вам кучу картинок, а потом попросит, скажем, систематизировать часть из них по цвету, вам будет легче вспомнить те, что вы систематизировали, чем остальные, когда впоследствии вам снова продемонстрируют весь набор (это называется «прайминг»). Так что будет, задался вопросом Бем, если вас протестируют на этих картинках *до того*, как попросят с ними взаимодействовать? Если вы отреагируете преимущественно на те, с которыми еще не имели дела, однако *будете иметь дело когда-нибудь в будущем*, значит, вы создали некий обратный поток информации. Разумеется, как только ученый узнает, что выбрали его подопытные, у него появится искушение, условно говоря, помочь пророчеству исполниться; однако это можно обойти, полностью устранив людей из процесса и доверив программам и генераторам случайных чисел решать, какие изображения использовать для прайминга.

Я оставляю конкретные протоколы каждого эксперимента на самостоятельное чтение тем, кто хочет полазать по ссылкам, однако в целом подход был простым. Взять устоявшийся причинно-следственный тест; провести его задом наперед; если показатели предпрайминга выше случайных, засчитать это как победу. Бем также заявил, что с эволюционной точки зрения секс и смерть должны быть мощными мо-

тиваторами. В саваннах плейстоцена редко попадались казино и фондовые биржи, а вот знание (пусть и безотчетное), что через десять минут кто-то попытается тебя сожрать – или что в ближайшем будущем тебе встретится потенциальный половой партнер, – что ж, оно определенно предоставило бы тебе эволюционное преимущество над тем, кто не был экстрасенсом. Поэтому Бем использовал пугающие или эротические картинки, надеясь повысить вероятность значимых результатов.

Заметим также, что тысяча-или-около-того участников его эксперимента изначально не знали, что делают. Не было никаких явных испытаний на экстрасенсорику, никаких карточек со звездами или волнистыми линиями. Эти люди знали только, что должны догадаться, в какой части скрытого от них монитора находится картинка. Им не говорили, что на ней изображено.

Когда картинка была нейтральной, их выбор был чисто случайным. А вот когда она была порнографической или страшной, они угадывали чаще, чем промахивались. Результат был незначительным: мы говорим о примерно 53 % попаданий вместо ожидаемых 50 %. Однако, согласно статистике, результат наблюдался в восьми из девяти экспериментов.

Конечно, сейчас все кому не лень выискивают в экспериментах дыры. Это нормально; это наша обязанность – так все и работает. Возможно, самая серьезная претензия, та единственная, что имеет значение, – никто пока не смог повто-

ритель результаты Бема. Это гораздо важнее, чем отдельные придирки, звучавшие в последние несколько дней, – отчасти хотя бы потому, что некоторые из этих придирок выглядят, ну, довольно глупо. (Сам Бем отвечает на некоторые нападки Олкока.)²⁵

Давайте по-быстрому пройдемся по некоторым методологическим обвинениям, которые выдвигали люди: «Методология Бема не была последовательной. Бем логарифмически преобразовывал данные; о-о-о, наверное, он это делал потому, что непреобразованные данные не давали ему нужные результаты. Бем провел несколько тестов, не делая поправку на то, что чем больше тестов ты проводишь на одной выборке, тем выше шанс случайно получить значимые результаты». Вот лишь несколько.

Может быть, моя подготовка полевого биолога заставляет меня быть более снисходительным к таким вещам, но я не считаю корректировку методов особенно возмутительной, когда это делается, чтобы адаптироваться под новые данные. Например, Бем обнаружил, что мужчины слабее, чем женщины, реагируют на уровень эротики в его изначальной подборке порно (чему, будучи мужчиной, я охотно верю: обложки любовных романов из серии Harlequin меня вообще не возбуждают). Поэтому для участников-мужчин он поднял рейтинг изображений с R до XXX. Полагаю, он мог бы и

далее использовать нестимулирующие изображения, даже осознав, что они не работают, точно так же, как ихтиолог мог бы продолжать использовать ту же самую сеть, даже обнаружив, что ячейки в ней слишком крупные для поимки того вида, который он изучает. В обоих случаях методология была бы «последовательной». А еще это была бы пустая трата времени.

Также Бема критиковали за использование тестов на статистическую значимость (т. е. он задавал вопрос «какова вероятность, что эти результаты – всего лишь случайность?»), а не байесовских методов (т. е. «если наша гипотеза верна, каковы шансы получить эти конкретные результаты?»). (Кэри приводит хорошую сравнительную графику для этих двух подходов в *New York Times*)²⁶. Подозреваю, что этот упрек может быть справедлив. Мои претензии к байесовским методам в том, что они берут за отправную точку твое собственное предвзятое мнение: ты с самого начала можешь выбрать вероятность того, что телепатия существует, и вероятность того, что это не так. Если данные будут противоречить выбранной вероятности, теорема чуть подправит ее, чтобы при следующем повторении эксперимента она больше соответствовала полученным данным; но очевидно, что если, по вашему изначальному предположению, есть 99,9999999999 % вероятности, что предвидение – это чушь собачья, то потребуется гораздо больше данных, чтобы изменить это число,

²⁶ <http://www.nytimes.com/2011/01/11/science/11esp.html>

чем если вы начинаете с чушевероятности всего в 80 %. Вагенмакерс и др. привязывают это к знаменитому высказыванию Лапласа: «Экстраординарные утверждения требуют экстраординарных доказательств» (к которому мы вернемся под конец поста), однако это можно сформулировать и иначе – чем сильнее предрассудок, тем сложнее от него избавиться. А Байес по определению использует предрассудок в качестве стартовой площадки.

Вагенмакерс и др. прогнали цифры Бема через байесовские техники, начиная со стандартных «базовых» значений изначальных вероятностей (какие именно это были значения, они не сказали, хотя и сослались на источник). Они нашли «значимые» подтверждения предвидения (Гипотезы₁) лишь в одном из девяти экспериментов Бема и «значимые» подтверждения его отсутствия еще в двух (они утверждают, что в трех, но, кажется, почему-то рассмотрели шестой эксперимент Бема дважды). Потом они прогнали те же данные повторно, используя различные стартовые значения, отличавшиеся от «базовых», просто чтобы убедиться, и заключили, что их выводы обоснованны. За деталями этого анализа они отсылают читателя к выложенному онлайн приложению. Я не могу показать вам график, который там можно найти (по остающимся неясными причинам Tachyon до странного неохотно соглашается нарушать закон об авторском праве), но подпись к нему в том числе гласит:

«Результаты, подтверждающие Гипотезу₁,

не убедительны нигде, за исключением, возможно, нижней правой панели».

Позвольте мне решительно заявить, что неискренность этого «возможно» граничит с откровенной ложью. Нижняя правая панель вне всяких сомнений подтверждает Гипотезу₁. И даже если предположить, что эти ребята попали в точку со всей своей критикой; даже если предположить, что они успешно разнесли в пух и прах восемь из девяти претензий Бема на значимость, — они *своими же расчетами* подтверждают, что доказательство реальности предвидения существует. И тем не менее не могут заставить себя признать это, даже в подписи, которой противоречит их собственный график.

В какой-то степени именно решение Бема сделать свою работу легко повторяемой повесило ему на грудь эту конкретную мишень. Он избрал методы, широко известные и утвердившиеся в исследовательском сообществе; он категорически отверг мудреную статистику, предпочтя ей простую, с которой было бы удобно иметь дело другим социологам. («С байесианской точки зрения было бы логичнее поверить в то, что в дебрях сложной экспериментальной процедуры или незнакомого статистического анализа кроется некая неизвестная ошибка или артефакт, чем в то, что была продемонстрирована подлинная экстрасенсорика, — пишет он. — Ввиду этого необходимыми орудиями убеждения стали простота и известность».) Предвидя, что у некоторых могут вы-

звать вопросы предположения о характере распределения, лежащие в основе t-тестов, он логарифмически преобразовал свои результаты, чтобы нормализовать их перед анализом; это и вдохновило Вагенмакера и др. на мрачные размышления о том, «какими были непреобразованные показатели времени реакции – показатели, о которых не сообщалось». Бем также прогнал данные через непараметрические тесты, при которых не делается никаких предположений о характере распределения; из-за этого Оллок жалуется на необъясненные избыточные тесты, ничего не добавляющие к анализу (несмотря на то, что Бем открытым текстом изложил свою мотивацию), и на использование множества тестов без поправки на увеличенные шансы ошибочных результатов.

Последнее замечание верно в принципе, но не в данном случае. Каждый аспирант знает то отчаянное замирание в груди, которое возникает, если в результатах не прослеживается никаких закономерностей; искушение проводить бесконечные тесты и пересчеты в надежде, что – господи, пожалуйста – появится *хоть что-то*. Но у Бема уже были значимые результаты; он использовал альтернативные методы анализа на случай, если эти результаты были в чем-то артефактными, и *продолжал* получать значимые результаты вне зависимости от того, с какой стороны подходил к проблеме. Там, откуда я родом, обычно считается хорошим знаком, если разные подходы дают один и тот же результат.

Бем также учел вероятность того, что в алгоритмах, которые использовал компьютер, чтобы рандомизировать выбор картинок, может присутствовать какая-то тенденциозность; поэтому он повторял свои эксперименты с использованием разных генераторов случайных чисел. Он предъявил все свои записи, все неряшливые куски, которые обычно не демонстрируют, когда хотят показать результат своей работы в рецензируемом журнале. Он не просто выдержал стандарты строгости, принятые в его сфере: он их *превзошел*, и четыре рецензента (хоть и необязательно поверивших его результатам) не смогли отыскать методологических или аналитических изъянов, достаточных, чтобы не допустить работу к публикации.

Даже оппоненты Бема это признают. Вагенмакерс и др. открытым текстом говорят:

«Бем играл по негласным правилам, которыми руководствуются научные издания, – собственно говоря, Бем предоставил гораздо больше обоснований, чем требовалось бы обычно».

Они не могут логически атаковать работу Бема, не атакуя психологию в целом. Так они и поступают:

«...из нашей оценки следует, что в том, как экспериментальные психологи планируют свои эксперименты и сообщают о своих статистических данных, есть что-то глубоко неправильное. Тревожно думать, что результаты многих экспериментов, которые

гордо и уверенно объявляются в литературе реальными, могут на самом деле основываться на статистических тестах, являющихся пробными и пристрастными (см. также Иоаннидис, 2005). Мы надеемся, что статья Бема станет сигналом к переменам, начертанным на стене посланием: психологи должны изменить методики анализа своих данных».

И знаете, может, они и правы. Мы, биологи, всегда по-смастривали на этих недалеких эзотериков из корпуса гуманитарных наук почти с таким же презрением, с каким физики и химики смотрели на *нас* в те времена, когда у нас еще не было этой штуки, называемой генной инженерией. Я с радостью соглашусь, что психология ущербна. Но если эта дисциплина действительно в таком плачевном состоянии, почему тревожным сигналом не послужила ни одна из менее обоснованных работ? Почему вы проспали столько десятилетий бездарной аналитики, только чтобы наброситься на статью, которая, по вашему же признанию, написана лучше других?

Как думаете, стал бы кто-нибудь с таким энтузиазмом потрошить методологию Бема, если бы тот заключил, что доказательств предвидения не существует? Вот вам подсказка: критика Олкока тщательно разбирает все эксперименты Бема, кроме № 7. Возможно, в этом седьмом эксперименте все пошло как надо, думаете вы. Возможно, Оллок сделал ему поблажку, потому что методология Бема хоть раз оказалась безукоризненной? Дадим же слово самому Олкоку:

«Процент догадок в этом эксперименте значительным не был. Поэтому я избавлю читателя от своих рассуждений».

По-видимому, плохую методологию незачем критиковать, если ты согласен с результатами.

Это плавно подводит нас к, возможно, самому главному возражению против работы Бема, к самой распространенной рефлекторной реакции, которая одновременно пронизывает и обуславливает методологические нападки: чистейшее головокружительное недоверие. «Это херня. Это *не может* не быть херней. В этом, черт побери, нет никакой логики».

Этого не может быть. Следовательно, этого нет.

Конечно, никто не станет формулировать это так прямо. Они скорее скажут, что «в физике нет механизма, способного объяснить эти результаты». Вагенмакеры и др. дошли до того, что заявили, будто эффект Бема не может быть реальным, потому что никто не разоряет казино по всей планете благодаря своим телепатическим умениям; с точки зрения логики это эквивалентно заявлению, будто защитные панцири не могут быть адаптивными, потому что лобстеры не являются пуленепробиваемыми. Что касается избитого аргумента, будто не существует никакого теоретического механизма, способного объяснить эти результаты, то я не могу придумать более эффективного способа затормозить науку, чем отбрасывать любые данные, не вписывающиеся в нашу текущую модель реальности. Если бы все так думали, Земля

до сих пор оставалась бы плоским диском посередине хрустальной Вселенной.

Некоторые люди лучше других справляются со своей недоверчивостью. (Один из рецензентов статьи заметил, что находит результаты «смехотворными», однако все равно рекомендовал ее к публикации, потому что не смог отыскать изъяна в методологии или анализе.) Другие же находят прибежище в мантре: «экстраординарные утверждения требуют экстраординарных доказательств».

Я всегда думал, что это неплохая мантра. Если бы кто-то сказал мне, что мой друг напился и въехал на машине в телефонный столб, я бы отнесся к этому скептически из верности другу, однако фотография места происшествия меня, скорее всего, убедила бы. Люди, бывает, напиваются (особенно мои друзья); несчастные случаи происходят. Но если бы тот же источник сообщил мне, что летающая тарелка захватным лучом стащила машину моего друга с дороги, одной фотографии было бы недостаточно. Я бы всего лишь потянулся за руководством по «Фотошопу», чтобы выяснить, как ее подделали. Экстраординарные утверждения требуют экстраординарных доказательств.

Вопрос – сейчас, во второй декаде XXI века – следующий: что такое «экстраординарное утверждение»? Сто лет назад экстраординарным стало бы утверждение, что кот может быть жив и мертв одновременно; пятьдесят лет назад экстраординарным стало бы утверждение, что жизнь воз-

можно в условиях температур, превышающих температуру кипения воды, на глубине в несколько километров под поверхностью Земли. Двадцать лет назад экстраординарным было бы заявление, что Вселенная не просто расширяется, но расширяется *все быстрее*. Сегодня физика допускает теоретическую возможность путешествий во времени (на самом деле, как мне говорили, вся эта тема со стрелой времени всегда вызывала у физиков вопросы; большая часть их уравнений работает в обе стороны, не нуждаясь в одностороннем течении времени).

Да, я знаю. Я подбираюсь опасно близко к той же защитной истерике, которую устраивает каждый псих-эзотерик, столкнувшись с сомнениями в Целительной Силе Петуний: «Ага, конечно, тысячу лет назад все тоже верили, что мир плоский». Разница в том, что эти психи выдвигают свои аргументы, не имея подлинных доказательств в поддержку своих утверждений, а ответом скептиков по всему миру всегда было: «Покажите нам данные. Есть оговоренные стандарты доказательств. Покажите нам цифры, Р-значения, покажите хоть что-нибудь, способное миновать в крупном журнале стадию рецензирования уважаемыми исследователями с прочной репутацией. Вот стандарты, которым вы должны соответствовать».

Как часто мы это слышали? Как часто указывали, что у чудиков-уфологов и Бригады Призраков никогда не получается ничего опубликовать в рецензируемой литературе? Как

часто мы объясняли, что их так называемые «доказательства» не соответствуют нашим стандартам?

Что ж, Бем взял эту планку. И некоторые отреагировали тем, что подняли ее выше. Все это время мы требовали, чтобы параученные подчинялись тем же стандартам, что и все остальные, и наконец-то паранаука справилась с этим требованием. И теперь мы говорим, что они должны соответствовать *иному* стандарту, более высокому стандарту, потому что делают *экстраординарные заявления*.

Все это вызывает у меня глубокое беспокойство. Я не то чтобы верю, будто существование предвидения доказано, — это не так. Пока нет независимого повторения результатов Бема, я остаюсь скептиком. И меня не особенно злит сущность претензий, хоть я и думаю, что некоторые из них граничат с откровенной недобросовестностью. Я известен как тот парень, который считает науку яростной дракой между соревнующимися предубеждениями, чаще субъективными, чем нет.²⁷ (С другой стороны, если бы я изо всех сил пытался опровергнуть доказательства существования предвидения и все равно получал бы «значимые» подтверждения в одном случае из девяти, то не стал бы замечать это под ковер с помощью фраз типа «не убедительны нигде» и «за исключением, возможно» — я бы говорил: «Срань господня, чувак, возможно, преувеличил свои достижения, но, кажется, в этом все равно что-то есть...»)

²⁷ <https://www.rifters.com/crawl/?p=886>

Однако я начинаю сомневаться в принципе Лапласа. Я начинаю думать, действительно ли мудро предъявлять более высокие стандарты доказательства к любому утверждению, которое на этой неделе кажется нам наиболее противоречащим здравому смыслу. Постоянно применяемый порог значимости – 0,05 – может быть произвольно выбранным, но он хотя бы свободен от прихотей общественных стандартов. Начиная вещать об экстраординарных утверждениях, вы должны дать им определение, а лучшее определение, которое получилось сформулировать у меня, звучит так: «Любое утверждение, которое не соответствует нашему текущему пониманию того, как все работает». Неизбежный вывод из этой формулировки таков, что нынешний взгляд на мир всегда верен; мы определенно уже разобрались в природе реальности, и все, что свидетельствует об обратном, вызывает у нас особое подозрение.

Что, уж простите меня за такие слова, само по себе звучит как довольно экстраординарное утверждение.

Возможно, стоит назвать его следствием Галилея.

Почему я бездарь

(Блог, 6 июня 2013 года)

Я только что проглотил целый сезон – то есть скромные три эпизода, что, видимо, становится для Би-би-си нормой (см. «Шерлок»), – нового сериала про зомби под названием «Во плоти».

Да, я знаю. По нынешним временам сама фраза «новый сериал про зомби» балансирует на грани оксюморона. И тем не менее это действительно новый подход к старой парадигме: вообразите себе, что много лет спустя после того, как мертвецы выкопались из-под земли и начали лакомиться живыми, мы придумали, как их *починить*. Не совсем *вылечить*: примерно как с диабетом или ВИЧ – контроль вместо выздоровления. Вообразите себе лекарство, восстанавливающее разум, пусть и не способное справиться с разложением или выцветанием глаз.

Вообразите себе постепенное восстановление когнитивных контуров, и флешбэки, которые оно провоцирует, когда перезагружаются животные воспоминания. Вообразите, каково это – когда внезапные свежие воспоминания об убитых и выпотрошенных людях считаются с точки зрения медицины признаком *выздоровления*.

Вот что воображает «Во плоти». А еще он представляет контролируемую правительством реинтеграцию восстанавли-

ливающихся живых мертвецов («Синдром частичной смерти» – вот политически корректный термин; в довесок к нему прилагаются веселенькие буклеты, помогающие родне контролировать переход). Контактные линзы и грим, делающие частично умерших более терпимыми для общества, в котором они когда-то жили. Терапевтические сессии, на которых ошеломительное чувство вины из-за недавно вспомненных убийств и каннибализма перемежается с вызывающим самооправданием: «Мы должны были делать это, чтобы выжить. Они вышибали нам мозги не задумываясь – они *защищали человечество!* Им достаются медали, а нам – медикаменты...» Гипертрофированные патрули Соседского дозора, которые никогда не позволят вам забыть, что, как бы ни походили эти создания на людей *сейчас*, всего пары пропущенных уколов хватит, чтобы они снова обратились в прожорливых монстров *прямо в сердце нашей общины...*

Какая там задача у научной фантастики? Ах да: исследовать социальные эффекты научных и технологических *перемен*. Слишком большая часть НФ избирает подход в духе Гранд-тура по Парку аттракционов, предлагая восхитительный парад чудес и прогнозов, подобный какому-то футуристическому фрик-шоу. Требуется сериал вроде «Во плоти», чтобы напомнить нам, что технология – лишь половина уравнения, что молекулярный состав молотка или частота вращения бензопилы сами по себе представляют ограниченный интерес. Наша задача не выполнена, пока молоток

не ударит в мясо.

«Во плоти» тычет вам этим ударом в лицо. А мне в лицо тычет моей собственной бездарностью.

Видите ли, в «Эхопраксии» тоже довольно много зомби. Они появляются в самом начале романа, в орегонской пустыне; по ходу сюжета различные действующие лица сталкиваются с зомби-аспектами в своем поведении. В «Эхопраксии» зомби бывают двух разновидностей: стандартные вирусные, сеющие панику и анархию, и более продвинутые, созданные хирургически, которых военные используют в операциях с большим количеством жертв, операциях, где самосознание может послужить помехой. Обеим разновидностям достается экранное время; обе подсвечивают философские вопросы, ставящие под сомнение само определение того, что значит быть человеком.

Ни та ни другая почти не пытаются ответить на вопросы типа «Как жить с чувством вины?» или «Как справиться с диссонансом, когда ты становишься местным героем, методично истребляя бешеных зомби, а потом твой сын возвращается из Афганистана частично умершим и с лицом, полным медицинских скрепок?».

«Во плоти» делает многое из того, что сделал я в своем романе. Он даже представляет псевдонаучное объяснение, почему зомби так тянет к мозгам: жертвы СЧС теряют способность создавать «гиальные» клетки в мозгу и поэтому должны поглощать чужие, чтобы восполнить их недостаток. (Я не

уверен, случайная это ошибка в слове «глиальные» или сценаристам хватило сообразительности выдумать новый тип клеток со схожим названием, чтобы удобнее было отбиваться от придирок зануд, подобных мне.) Это объяснение не выдержит тщательного разбора, точно так же, как обращение «Ложной слепоты» к дефициту протокадерина ради оправдания неизбежного каннибализма моих собственных живых мертвецов, однако к этому я и веду: они избрали примерно тот же подход, что и я.

Разница в том, что они с его помощью достигли гораздо большего.

Я использовал техноболтовню, чтобы подкрепить философские размышления о свободе воли. «Во плоти» пользуется ей, чтобы показать нам убитых горем родителей, строящих отношения с любимым сыном после того, как он покончил с собой – и вернулся. При прямом сравнении болезненно очевидно, кто из нас при помощи своих ресурсов достиг лучшего эффекта.

Я только хотел бы понять это без такого наглядного урока.

Черный Рыцарь. In memoriam

(Блог, 11 мая 2012 года)

Два месяца назад с моим братом Джоном – он был старше меня на восемь лет – случился инсульт, вызвавший кровоизлияние в мозг. С тех пор, по словам его жены Трейси, все было как на американских горках: нейрохирурги не решались оперировать, пока Джон на сердечных лекарствах; кардиологи отказывались отменять прием этих лекарств, опасаясь фатальных тромбов. Периоды бреда и интервалы ясности. Системы органов ежедневно крутили рулетку, решая, кому отключиться на этот раз. Церебральные нарушения... нет, двигательные нарушения, но когнитивные функции, скорее всего, в порядке. Пожатия рук и движение глаз по четным дням; полная невосприимчивость по нечетным. Два-три случая, когда все было потеряно и на нем ставили крест, а этот засранец все равно продолжал жить. Постепенный, поэтапный подъем из ямы, достаточный, чтобы оправдать переход из палаты интенсивной терапии в центр долгосрочной реабилитации, где он мог заново научиться, например, глотать. Рецидив. Отказ печени и почек – и восстановление. Все такое.

Я не мог к нему приехать: благодаря банде некомпетентных долбоебов, у которых влияния больше, чем мозгов, мне запрещен въезд на вторую родину моего брата. До сих пор

это не имело особого значения. Честно говоря, даже было знаком почета. Но в прошедшие два месяца я не мог ничего делать — только ждать, и надеяться, и выжимать из ежедневных сообщений Трейси всю возможную информацию, чтобы понять, куда в целом направлена линия — вверх или вниз.

Линия оборвалась в четверг, 10 мая, около 02:15 утра. Я не очень понимаю, как с этим быть.

Какая-то часть меня отказывается верить, что он умер. Это, в конце концов, не первый раз, когда к нему заявился мрачный жнец. Первый визит случился тридцать лет назад, когда какой-то зловредный вирус проник под сердечную сумку Джона и сожрал две трети сердечной мышцы; врачи давали ему два года, максимум три. Каждым своим днем рождения Джон плевал им в глаза с 1985 года.

Однако он... изнашивался. На протяжении десятилетий. Плохая работа сердца, нарушение периферического кровообращения; диабет и невропатии, пластиковая пуповина, что вела к маленькому баллону кислорода, обитавшему в спальне и сопровождавшему Джона в путешествиях. Трудоголик, он неожиданно оказался ограничен тремя-четырьмя часами работы в день, хотя постоянно переходил эту грань. Однажды потерял сознание и упал на бойлер; кусок его кожи обгорел дочерна, но последовавший адреналиновый шок запустил сердце Джона и продержал его живым все то время, пока до него добирались врачи.

Даже тогда он казался неубиваемым. Как монтипайтонов-

ский Черный Рыцарь – что ему ни отруби, он только смеялся и продолжал бой.

Тогда появились кардиостимуляторы и бронированный спасательный жилет с дефибрилляционными электродами, пиропатронами и беспроводным интернет-соединением – идея была в том, что в случае нового отказа сердца патроны сдетонируют и зальют грудь Джона токопроводящим гелем; затем электроды вернут его сердце в строй, а жилет тем временем вызовет скорую. Какое-то время спустя Джон отбросил эти учебные колеса и заделался настоящим киборгом, имплантировав себе устройство поддержки желудочков: такое же полусердце на батарейках, которое столь парадоксальным образом очеловечило Дика Чейни, когда *его* скукоженный старый насос приказал долго жить. Джон обменял свой пульс на второй шанс, на большее количество сил и энергии, чем было у него долгие годы.

Возможно, это был единственный скачок вперед, который позволили этому бедолаге. Все остальное сводилось к обороне тыла. И тем не менее я никогда не слышал, чтобы он ныл или жаловался на свое состояние, неважно, насколько оно было плохим. Он *и вправду* был Черным Рыцарем: мог исчезнуть в реанимации и вернуться, став на три шага ближе к смерти, а потом мы говорили по телефону, и он *смеялся*. «Пф-ф-ф. Всего лишь царапина».

Так много можно сказать о моем брате, а Интернет так невелик. О том случае, когда федералы урезали ему пособие

по инвалидности – «Эй, какая разница, что это незаконно? Без пособия никто из этих людей не сможет себе позволить подать на нас в суд!» – а он подал на них в суд. И *выиграл* (хотя его победа была несколько подпорчена последовавшей за этим бесконечной чередой «никак не связанных» налоговых проверок). Или о том случае, когда он провел победоносную кампанию для мэра города Гамильтон. (Я узнал о том, что такое контрагитация, от брата; по сегодняшним стандартам то, что он делал, было утонченным до уровня метакомментария. Они даже ни разу не назвали того, на кого нападали, по имени.) О его добровольном переходе на темную сторону, его отречении от всего канадского и безраздельном принятии того, что некоторые зовут американской системой здравоохранения. (Скажем так, братья Уоттсы не могли похвастаться единодушием в вопросе о том, должно ли качество медицинского обслуживания быть соразмерно величине твоего банковского счета.)

Кстати, это важный момент: его любовь к спорам во имя самого удовольствия от процесса. Я редко когда соглашался с ним хоть в чем-то. (Хотя нет, забудьте; думаю, что, если разобраться, наши мнения совпадали чаще, чем он готов был признать, просто Джон очень любил морочить мне голову из принципа.) В половине случаев он нес полную херню и *знал*, что несет полную херню, и все равно продолжал из любопытства, донесет ли в итоге хоть что-нибудь. Однажды он пытался закатить мне лекцию о конкуренции тюленей с

рыбаками у восточного побережья Канады, явлении, с которым я знаком не понаслышке (сценарий, который я написал на эту тему, как раз выиграл премию канадского Министерства окружающей среды за лучший фильм о природе). Он высосал свои аргументы из пальца; я его разгромил; он смеялся. Ему была гораздо интереснее потеха фехтования, чем что-то настолько скучное, как *победа*.

Виделись мы нечасто: они с Трейси жили в штате Нью-Йорк, я – здесь, в Торонто. Я, случалось, заруливал к ним на денек-другой по пути, например, с Ридеркона. Они сюда приезжали немного чаще, хотя здоровье Джона ограничивало возможность перемещения. У нас с Кейтлин получилось пожить у них дома в 2009 году, всего за несколько месяцев до того, как граница захлопнулась наглухо. Мы никогда не забудем дикого павлина, поселившегося у них на заднем дворе, или рыжего соседского кота, который проводил гораздо больше времени в компании Джона и Трейси, чем в своем формальном жилище через улицу. Мы не забудем орду енотов, наступавшую из-за гребня холма каждый вечер после заката; их глазки-бусинки блестели в свете фонарей с заднего двора, отыскивая пищу, которую Трейси раскидывала по газону в качестве приманки. Бесконечное количество супа с лобстерами. Вино, и товарищество, и полуночные беседы/споры. (О, и скотч: когда я захотел сказать своему агенту спасибо за то, что он меня не бросил, это опыт Джона указал мне подходящий для выражения моей благодарности одно-

солодовый.)

Это был единственный раз, когда Кейтлин довелось увидеть Джона в его естественной среде обитания, прежде чем мы с США умерли друг для друга. С тех пор мы встречались на Рождество, может быть, один или два раза летом, и всегда в Канаде. В основном я общался с Джоном по телефону или электронной почте. Мы разговаривали примерно раз в месяц, обменивались ссылками на противоположные мнения по любому поводу: от Obamascare до глобального потепления. Он никогда не был постоянной частью моей жизни, но он был важной ее частью, и всегда находился рядом во время как белых полос, так и черных. Сорокасемидюймовый плоский монитор в нашей спальне – часть его наследия, подарок, который они с Трейси купили в честь моей первой номинации на «Хьюго». Он начал разыскивать адвоката в Мичигане через несколько часов после моего ареста в Порт-Гуроне. Человек с больным сердцем, которому было отмерено, может, четыре нормальных часа в день, он говорил с Кейтлин по телефону в час тридцать ночи, пока доктора выскребали гнилое мясо из моей ноги. (На самом деле я почти уверен, что со мной он по телефону тоже разговаривал между операциями; кажется, я помню мобильник Кейтлин возле моего уха в палате интенсивной терапии и голос Джона, насмехающийся над моими взглядами на глобальное потепление. Я помню, как смутно посчитал нечестным то, что он злоупотребляет моей медикаментозной заторможенностью. Однако

в процессе участвовал морфин, так что подробности от меня ускользают.)

Мы с НПЕ держали наш брак в тайне, однако это не помешало Джону и Трейси выгрузить на наш порог ящик шампанского, когда они в следующий раз приехали в город. И я никогда не забуду то письмо, что он написал мне – последнее письмо, как оказалось – после смерти Банана: короткое и емкое, с воспоминаниями о каком-то случае из эпохи восьмидесятых, когда я забрал у него кота, поскольку Джон понял, что не может больше содержать его дома. Я давно уже забыл об этом. Джон не забыл, и с тех пор наблюдал за мной со стороны: «Впоследствии я понял, что это одна из его ролей в жизни, – писал он. – Приходить на помощь и брать на себя ответственность вместо тех, кто меньше заботится или не может заботиться о Мохнатом патруле любой расы или филума». К письму прилагался чек, который изрядно сгладил финансовые последствия кончины Банана.

Через две недели после того, как он это написал, мой брат очутился в палате интенсивной терапии кардиологического отделения Тафтса. Домой он больше не вернулся.

Пережил три или четыре брака – зависит от того, учитываете ли вы гражданский брак, – начиная с шестнадцати лет. (Достаточно провести с Трейси десять минут, чтобы понять, почему он перебирал варианты, пока не остановился на верном.) Был органистом мирового класса – занял третье место на международном конкурсе в Брюгге, а потом артрит лишил

его этого будущего где-то в двадцать пять лет. Считался одним из сорока лучших сотрудников МСА. Продавал странную стеклянную посуду в своем подвале. Был деканом Музыкального колледжа Гамильтона. И бог знает кем еще — я почти ничего не знаю о потерянных годах, проведенных им на Западном побережье.

Слабое эхо Джона сохраняется в моем блоге: Джон время от времени писал здесь комментарии под ником Finster Mushwell (не спрашивайте). Но это бледная тень. Вы можете прочитать их все и все равно не поймете, каким он был человеком: Бойцом. Несгибаемым. Раздражающим спасителем жизней. Занозой в заднице. Черным Рыцарем, непобедимым.

До этого четверга.

Я не знаю, что сказать. Не знаю даже, что думать. За исключением, может быть, этого: любой из родившихся с фамилией Уоттс может претендовать на звание члена моей семьи.

И лишь Джона, единственного среди них, я воспринимал как такового.

Viva Zika!

(Блог, 3 февраля 2016 года)

Есть у меня один знакомый – Дэн Брукс. Сейчас он на пенсии, а раньше был известным паразитологом и эволюционным биологом. Много исследовал возникающие инфекционные заболевания (ВИЗ – для вас, аббревиатурные фетишисты) в Латинской Америке. Несколько лет назад я написал вступительный текст для онлайн-базы данных, которую он составлял. В тексте был вот такой фрагмент:

«Вы не найдете никаких информационных бюллетеней о клещевом боррелиозе в Коста-Рике. На первый взгляд это легко объяснимо: о случаях боррелиоза в этой стране не сообщали и ни одна местная разновидность клещей, насколько известно, не переносит вызывающие его бактерии.

Однако у части этих клещей есть в других регионах близкие родственники, которые такие бактерии переносят, а многие патогены способны заразить гораздо больший спектр видов, чем делают в реальности; простая изоляция – вот единственное, что не дает им реализовать свой истинный болезнетворный потенциал. Таким образом, хоть сейчас Коста-Рика и свободна от клещевого боррелиоза, потенциальные векторы уже существуют там в изобилии. Инфраструктура для эпидемии

подготовлена: единственного бессимптомного туриста может хватить, чтобы напустить эту мучительную, инвалидизирующую болезнь на местное население».

Клещевой боррелиоз ни в коем случае не уникален. Глобальное потепление изменяет пути миграции и ареалы множества организмов. Транспортируя людей и вещи, мы распространяем бесчисленные патогены по всему миру. Изолированные виды неожиданно контактируют; паразиты и болезни обнаруживают, что их окружают ничего не подозревающие и уязвимые потенциальные носители. Таким образом, заболевания, совершенно неизвестные всего сорок или пятьдесят лет назад – СПИД у людей, Эбола у людей и горилл, лихорадка Западного Нила и птичий грипп у людей и птиц, хитридиомикозы у амфибий, чумка у морских львов – стали сегодня практически обыденными. Патогены встречаются с носителями, не обладающими устойчивостью и не успевающими ее выработать. В подобном мире ВИЗ неизбежны. Они возникают постоянно. Месяца не проходит без новостей о каком-нибудь свежесоткрытом штамме гриппа, перешедшем к носителю-человеку.

Болезнь этого месяца – Зика. Ее разносят тропические москиты *Aedes aegypti*, так что нам, северянам (как нас убеждали еще на прошлой неделе), беспокоиться не стоит. Черт, да даже у 80 % тех, кто ей все-таки заболел, не проявляется никаких симптомов. Оставшимся 20 % приходится перетерпеть боль в суставах, температуру и умеренную сыпь, прежде

чем они наскучат Зике и она удалится донимать кого-нибудь другого. Это вам не Эбола; Зика, насколько нам известно, даже ни разу никого не убила. Полагаю, именно поэтому никто так и не собрался разработать вакцину против нее.

Но что она творит с зародышами! Вот *это* страшно, пусть даже ВОЗ идет на попятную и признаёт, что никто пока точно не доказал связь Зики с микроцефалией. (Если это не она, кому-то придется объяснить тот факт, что количество случаев микроцефалии в Бразилии выросло в двадцать пять раз с тех пор, как Зика дебютировала там в прошлом году – с долговременного среднегодового показателя в 150 случаев до более чем четырех тысяч – и цифры растут. Это довольно пугающее совпадение.)

Даже если принять аргумент, что бушующая зикофобия вызвала ошибочное зачисление в эти ряды самых обычных детей с маленькими головами – из выборки в 732 диагноза лишь 270 детей (37 %) оказались настоящими микроцефалами²⁸ – перед нами все равно десятикратное превышение исторически сложившегося уровня. (И это может оказаться преуменьшением; неявно предполагается, что, хотя столь многие недавние диагнозы оказались ошибочными, ни в одном предшествующем случае такого не происходило.) Утверждения, что и в большинстве подтвержденных случаев Зика выявлена не была, особенно не ободряют, учиты-

²⁸ http://rfters.com/real/articles/NS-724-2015_ECLAMC-ZIKA%20VIRUS_V-FINAL_012516.pdf

вая, что тесты на Зика в горячей зоне «крайне неэффективны»²⁹ – не говоря уже о том, что годом раньше во Французской Полинезии наблюдалась схожая корреляция между пороками ЦНС и эпидемией Зики³⁰.

На прошлой неделе – когда всем нам, североамериканцам, сказали, что бояться нечего, потому что *A. aegypti* никогда не забирался дальше субтропиков – первым, о чем я вспомнил, была работа Дэна о ВИЗ и легкости, с которой отдельные микробы меняют носителей. «Конечно, *aegypti* до сюда не доберется, – сказал я НПЕ, – но что, если Зика пересядет на *Anopheles* в зоне перекрытия?» Для научного фантаста и специалиста по пессимистическим сценариям это была постыдная нехватка воображения. Потому что за последние несколько дней Зика действительно нашла себе нового водителя «Убера», который ее подвез, и это был не москит.

Это были мы.³¹ Зика научилась работать без посредников. Теперь это человеческое заболевание, передающееся половым путем.

И назовите меня Поллианной, но я не могу не лелеять абсурдную-но-не-полностью-невозможную мечту, что перед нами, вероятно, наше собственное спасение. Перед нами,

²⁹ http://www.nytimes.com/2016/01/28/world/americas/reports-of-zika-linked-birth-defect-rise-in-brazil.html?_r=0

³⁰ http://ecdc.europa.eu/en/press/news/_layouts/forms/News_DispatchForm.aspx?ID=1329&List=8db7286c-fe2d-476c-9133-18ff4cb1b568&Source=http%3A%2F%2Fecdc.europa.eu%2Fen%2FPages%2FHome.aspx

³¹ <http://www.cbc.ca/news/health/zika-virus-sexual-transmission-who-1.3431458>

возможно, спасение всей планеты.

Ведь невозможно отрицать, что практически все беды биосферы происходят из единого источника. Глобальное потепление, загрязнение, потеря среды обитания, исчезновение биоразнообразия на земле, в море и в воздухе, скорость вымирания, беспрецедентная со времен последнего астероида, и трансформация нашего родного мира в планету сорняков – во всем этом, разумеется, виноваты мы. Нас попросту слишком много. Уже больше семи миллиардов, а мы *так и не научились* держать свои причиндалы в штанах.

Разумеется, ничто не длится вечно. Моя ставка была на какой-нибудь вариант вымирания по собственной вине: глобальная пандемия, которая будет громоздить кучи трупов на улицах, или некий общественный коллапс, который сделает из нас дикарей на третий день и реликтовую популяцию на трехсотый. Возможно, священная ядерная война, если вы любитель классики. Проблема этих сценариев – за исключением того факта, что они включают в себя ужасные страдания и гибель миллиардов разумных существ, – в том, что по пути на выход мы разрушим окружающую среду еще сильнее, оставим после себя выжженную пустошь, процветать в которой смогут лишь тараканы да строматолиты. Лекарство окажется хуже болезни.

Многие добронамеренные люди указывали, что рождаемость снижается по мере того, как растет качество жизни; поскольку так много людей все еще живет в относительной

бедности, очевидным решением было бы повысить всеобщее качество жизни до норвежского уровня. Очевидная же ложка дегтя в этой бочке меда – то, что среднестатистический житель страны первого мира топчет лицо планеты куда большим сапогом, чем какой-нибудь бедняк крестьянин из Буркина-Фасо, сколько бы отпрысков тот ни наплодил. Млекопитающим вроде меня не нужен выводок детишек, чтобы вредить природе; мы с этим прекрасно справляемся при помощи машин, импортированных продуктов и гигантских телевизоров с разрешением 4k. Возвышение 7,6 миллиарда людей до уровня североамериканского чревоугодия кажется мне подходящим решением только в том случае, если вы хотите ускорить возвращение планеты на рельсы Первого Сценария.

Однако взгляните на Зику. Она вас не убивает, в большинстве случаев даже не вызывает симптомов. Худшее, что вам грозит, – несильная боль, сыпь, пара дней недомогания.

Все, что она делает *на самом деле*, – это не дает вам размножаться.

В чем-то это даже второстепенно – все это хмыканье и бормотание относительно того, *вызывает* Зика врожденные пороки или просто таинственным образом с ними *коррелирует*. Воздух пропитан страхом, а благотворные последствия уже начинают проявляться. Всего лишь два дня назад ВОЗ объявила Зику «угрозой здоровью населения в международ-

ном масштабе»³². Бразилия, Колумбия, Ямайка, Сальвадор и Венесуэла рекомендовали своим гражданам не беременеть – это еще более примечательно, поскольку все это – за исключением Ямайки – бастионы католичества, которое обычно выступает за библейский императив «плодитесь и размножайтесь». Но теперь, когда эта болячка, делающая монстров из детей, может передаваться напрямую, от человека к человеку, посредством самого акта соития? О, теперь никто из нас не в безопасности!

Я с нетерпением жду того дня, когда Зика – или, по крайней мере, страх перед Зикой – распространится повсюду. Я с нетерпением жду того дня, когда этот благородный младенцекорежащий вирус подвигнет нас спасти самих себя, испугом вынудит принять необходимые меры, на которые не способны вдохновить обычные дальновидность и разум. Не нужны будут общественный коллапс, катастрофическая пандемия или пресловутая ядерная зима. Не нужно будет никакого глобального вымирания, чтобы спасти планету. Нужна будет лишь эта дополнительная цена, эта *опасность*, которая заставит вас подумать дважды, прежде чем тешить свои репродуктивные импульсы. Всего за одно поколение численность данного вида вредителей может взять и... мягко снизиться. Мы можем снова стать *экологически безопасными*.

Такова моя мечта. Конечно, вернувшись к реальности, я

³² <http://www.who.int/mediacentre/news/statements/2016/emergency-committee-zika-microcephaly/en/>

вынужден буду признать, что теперь, когда Зика привлекла к себе внимание, медицинское сообщество, спотыкаясь, бросится отыскивать лечение. Оно преуспеет. И мы вернемся к тому, с чего начали, – только на руках у нас будет новое патентованное и доходное лекарство, производящееся исключительно компанией «Пфайзер» или «Джонсон & Джонсон».

Вот каково быть оптимистом. Ты мечтаешь, а реальность эти мечты давит.

Но я могу хотя бы написать об этом жизнеутверждающий рассказ. Жалко, что никто из тех солнечных человечков – «А давайте соберем НФ-антологию, посвященную *позитивному* будущему!» – почему-то ни разу ко мне не обращался...

Зундс, гадзукс и херов Сизиф (Блог, 30 августа 2016 года)

*Those who know what's best for us
Must rise and save us from ourselves.³³*
Нил Пурт, 1981

Знаете ли вы, что в «Ложной слепоте» семьдесят три раза употребляется слово «fuck» и его производные? Мне недавно сообщила об этом учительница, работающая в старшей школе в той части США, где... впрочем, во имя защиты личностей невинных, назовем это место просто Иисусией.

Из вездесущести слова «fuck» – не только в «Ложной слепоте», но и в иных контекстах – вытекает несколько следствий. Во-первых, это показывает, что у персонажей, которые так разговаривают, словарный запас и владение языком лучше, чем у тех, чьи рты вымыты с мылом.³⁴ Это значит, что они более честны. Это также значит, что они, скорее всего, лучше переносят боль.³⁵

А в случае с этой конкретной учительницей – сейчас, в

³³ «Те, кто знает, как для нас будет лучше/Должны восстать и спасти нас от нас самих» – цитата из песни Witch Hunt («Охота на ведьм») группы Rush. (Прим. пер.)

³⁴ <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S038800011400151X>

³⁵ http://journals.lww.com/neuroreport/Abstract/2009/08050/Swearing_as_a_response_to_pain.4.aspx

двадцать первом веке, боже ж ты мой, — это значит, что она может потерять работу, если будет знакомить с неотцензурированной версией «Ложной слепоты» свой класс с углубленным изучением английского. По всей видимости, в ее части света старшеклассники пребывают в счастливом неведении о существовании такого слова. По всей видимости, самые разные бедствия могут случиться, стоит этому шаткому состоянию дел однажды перемениться.

Мне сложно уместить такой сценарий в голове, пусть даже сам я в детстве довольно редко соприкасался с ругательствами. Воспитанный баптистами, я, должно быть, дорос до одиннадцати или двенадцати лет, прежде чем начал использовать в разговоре слова «damn» или «hell»; и даже тогда я мог жить с подобными нехристианскими срывами, только говоря себе, что, по крайней мере, ограничиваюсь «чистыми» ругательствами. Я никогда не опускался до поистине грязных слов типа «fuck», или «cunt», или «asshole».

Это никак не убеждало мою мать, которая — как Первая леди Баптистской школы лидерства — обязана была блюсти приличия. Когда я замечал, что мое употребление настолько мягких ругательств никому не вредит, ее ответ всегда был одинаков: «Я считаю это оскорбительным. Вот и все, что тебе нужно знать». Подозреваю, что именно эта идиотская реакция — бездумное предпочтение нутра рассудку — и вдохновила меня вскоре на мой бунтарский и запоздалый переход к слову на букву «F».

Но хоть я и изменился, родители мои остались прежними. Когда десятилетия спустя вышел мой первый роман, Фэншун печально качала головой – не сердитая, просто очень, очень *разочарованная* – задаваясь вопросом, почему ее сын, так хорошо умеющий обращаться со словами, не смог не испортить приличную книгу всей этой руганью. Особенно после того, как она в минувшие годы даже предлагала мне неоскорбительные альтернативы.

Одной из них, хоть верьте, хоть нет, было слово «zounds». Ни она, ни я не знали тогда, что «зундс» был «факом» своего времени – сокращением от «God's Wounds», «ран Господних», отсылавшим к Христовым стигматам и изгонявшимся из приличной литературы минувших лет так же, как «fuck» сегодня изгоняется из мейнстримной печати (его писали как «Z – s!», предлагая читателям самим разбираться, что за хуйню там вычеркнули). Слово «gadzooks» – похожее сокращение от «God's hooks», «гвоздей Господних» (т. е. тех, которыми распяли Христа), – по всей видимости, считалось столь же вульгарным, прежде чем заделалось дежурным восклицанием в субботних комиксах и мультиках про Багза Банни.

Все это – лишь долгая подводка к тому, что объективно возмущение при виде слова «fuck» не менее абсурдно, чем возражения против «гадзукса» или «зундса» – на самом деле эти два слова должны бы, по справедливости, быть *более* оскорбительны, поскольку подходят ближе к «упоминанию

имени Господня всуе». (Насколько мне известно, нигде в Писании не запрещается упоминать имя секса всуе.) Это дело должно быть закрыто. Это дело даже не должно было открываться ни в одной рациональной вселенной.

Но вернемся в настоящее – и вот они мы: я – автор книги, которой по прошествии времени чертовски горд; она – учительница, желающая поделиться этой книгой с бандой необычайно смысленных учеников. На пути у нас стоит – неохотно, как мне сказали, – завуч, оробевший при мысли об изучении романа с таким количеством «факов». Вроде бы в прошлом у них уже бывали неприятности. Люди теряли работу. Родители исходили говном из-за того, что в школе изучают книги, которые они могли бы назвать «прогрессивными», если бы у таких людей хоть изредка получалось управиться с пятью слогами. Так вот, спросила эта учительница, буду ли я против, если ее ученики прочтут выхолощенную версию «Ложной слепоты»? Ту, из которой вычистят все слова на букву «F»?

Вопрос был сложнее, чем вам может показаться.

С одной стороны, не то чтобы я отстукивал этот роман, думая: «Божечки, да я познакомлю со словом „fuck“ целое новое поколение! *Vom* чем запомнится моя книга!» Я даже не задумывался об использовании ругательств, помимо очевидной необходимости сохранять речевые характеристики персонажей. Основные темы «Ложной слепоты» могли быть изложены и языком, чистым как свежавыпавший снег, – а важ-

ны именно эти темы, а не идиомы и не диалоги. И вот передо мной женщина, которая решила ознакомить своих учеников с такими размышлениями об эволюции, и нейробиологии, и природе человека, к которым не всякий студент прикасается. Вот женщина, которая хочет не просто учить, а *стимулировать*. Видит бог, мнегодились бы такие учителя во время моей собственной школьной каторги. Я же не стану совать палки в колеса ее стремлений из-за нескольких вычеркнутых ругательств, правда ведь? Правда ведь?

И все же.

Бесят не сами изменения в тексте. Бесят *требования* его изменить. То, откуда они исходят. То, куда они ведут.

Потому что моя работа – считаете вы ее искусством, литературой или вульгарной и бездарной макулатурой – это *моя работа*. Вы можете любить картину или ненавидеть ее, но вы не пойдете в галерею и не потребуете, чтобы куратор заклеил изолентой все желтые пятна на разных полотнах – неважно, насколько легко будет это сделать, неважно, переживет ли кастрацию основная тема картин. Если вид желтых элементов на картине вас оскорбляет, есть простое решение: *не ходите, сука, в галерею*.

Но эти оголтелые родители из Иисусии, которые так запугали персонал школы, – они явно не из тех, кто скажет: «Я считаю эту книгу оскорбительной, поэтому не буду ее читать». Они даже не из тех, кто скажет: «Я не хочу, чтобы эта книга повлияла на моих детей, поэтому *они* не будут ее чи-

тать». (Если бы они так сказали, то ученикам, чьи родители возражали, просто разрешили бы не ходить на эти уроки – и дело с концом, – но такого выхода из ситуации не предлагалось.) Эти родители – эти истеричные безголовые ушлепки с IQ уровня комнатной температуры – вместо этого скажут: «Я считаю ругательства в этой книге оскорбительными, поэтому добьюсь, чтобы ее *убрали* из программы. Я добьюсь, чтобы ее убрали из библиотеки. Я добьюсь, чтобы ее убрали из всех частей света, которые смогу запугать настолько, что они подчинятся моим требованиям».

«Я считаю это оскорбительным. Вот и все, что тебе нужно знать»

Но разве так бывает не всегда? Редко говорят «Аборт не для меня», скорее уж «Аборты нужно запретить». Фундаменталисты, требующие, чтобы их мифы о сотворении мира изучались на уроках естествознания, обычно странно на тебя косятся, если предложить, чтобы в ответ мы вставили абзацы из «Происхождения видов» в книгу Бытия. Аятолла не просто решил, что «Сатанинские стихи» – книжка не по его вкусу: он натурально заказал Салмана Рушди.

Возможно, я захожу чересчур далеко. Возможно, это я здесь самодовольный ушлепок, претенциозно сравнивающий мелкое запикивание с призывающими к убийству фетвами и взрывами в абортариях. Разумеется, я не стану отрицать, что трудности «Ложной слепоты» в Иисусии – чепуха в сравнении с этими вещами, с конфликтами, в которых

на кону слишком часто оказываются жизни. Но я примерно к этому и веду: я надеялся, что мы выиграем хотя бы это малое сражение, чтобы можно было перейти к битвам поважнее. «Над пропастью во ржи» давненько уже не появлялась в новостях. Несколько лет назад я читал что-то о том, как фундаменталисты развонялись из-за «Рассказа служанки» – но тогда от статьи у меня осталось ощущение, что те протестующие были какой-то реликтовой популяцией, сохранившейся только благодаря программе разведения в неволе (возможно, проспонсированной Смитсоновским институтом). ПЕН-клубу до сих пор есть чем заняться, но он сосредоточен на иностранных делах, на тоталитарных режимах третьего мира, которые арестовывают или убивают авторов «оскорбительных» или «подрывных» книг.

Я надеялся, что у себя дома мы победили хотя бы на фронте цензуры. Трудно вообразить более мелкую победу. Все еще продолжается война с креационистами, расистами, гомофобами и транс... – черт, да давайте сэкономим несколько строчек и назовем их всех просто «фобами» – но во имя всего святого, *ругательства*? Что, в Северной Америке двадцать первого века мы даже *этого* не добились?

Видимо, нет. Учителя здесь в буквальном смысле слова боятся потерять работу из-за того, что хотят рассказывать о книге, в которой есть слово «fuck».

Я не утверждаю, что «Ложная слепота», очищенная от ругательств, утратит нечто значимое. На самом деле именно

мелочность этой цензуры меня и злит: кажется, это такая нелепая вещь, чтобы из-за нее беситься, такая высокая цена для чего-то, не имеющего никакого значения. Разве стоит из-за такой ерунды рисковать заработком? Так давайте пойдем на эту маленькую незначительную уступку. И в словаре новояза из «1984» будет одним словом меньше, и антиутопическое общество «451 градуса по Фаренгейту» сожжет еще одну книгу, которую кто-то счел оскорбительной («вот и все, что тебе нужно знать»). Только в следующий раз возьмутся за *идеи*, а не за сленг, и вам придется вырезать политический комментарий, если вы захотите сохранить работу, и поступить так будет даже легче, потому что мы уже сделаем первый шаг по наклонной.

Но это ничего. Повторившись несколько раз, ситуация себя исчерпает – потому что ни у кого из нас уже не хватит словарного запаса, чтобы выражать несогласие.

Здесь, в настоящем, я предложил несколько обходных путей. Может, получится распечатать кастрированную версию на принтере, который сделает слова бледными до нечитаемости (я предположил, учитывая старомодные нравы, царящие в этой части планеты, что оборудование у них в школе может оказаться настолько же доисторическим) – после чего учительница просто укажет детям на мой сайт, где их будет ждать изначальный текст. Я уцепился за возражение завуча против преподавания неклассической книги, содержащей ругательства: значит ли это, что книгам, записанным в клас-

сику, такое прощается? (Скажем, я почти уверен, что «Убить пересмешника» изучают, не вымарывая из него слово «ниггер».) Так получилось, что журнал *Omni* недавно упихнул меня в список «Величайших научных фантастов всех времен», рядышком с Оруэллом, Вулфом и Ле Гуин. Это, конечно, полная чушь – моему имени не место в одном ряду с этими ребятами, пока что, по крайней мере, – однако каким-то образом оно туда проскользнуло, так, может, этого хватит, чтобы посчитать «Ложную слепоту» классикой? Нет?

Ну ладно. А если она заменит все «факи» на имя какой-нибудь местной знаменитости, которую можно назвать плохой или коррумпированной, – кого-нибудь, чье имя может стать нарицательным выражением в некоем антиутопическом будущем. Я не представлял себе, кто это может быть, – на федеральном уровне кандидатами стали бы Чейни, Харпер и Трамп, но о местных я ничего не знал. Поскольку учительница о них знала, я решил, что смогу положиться на ее опыт.

Этот вариант она и выбрала.

И на этом, насколько мне известно, пока что все завершилось. Она говорит, что не возражает, если я напишу об этом в блоге (серийные номера я спилил), и мне известно, что сами ученики в курсе нашей переписки. (В обсуждении она также приводит «Мистера Робота» и перезапуск «Звездного крейсера “Галактика”» как примеры различных стратегий, с помощью которых можно протащить ругательства ми-

мо «Стандартов и практик»; по этой и по другим причинам я думаю, что она довольно клевая.) Я ожидаю, что в какой-то момент пообщаюсь с классом по скайпу. Шансы, что хоть кто-то из этих школьников уйдет домой, думая, что персонажи «Ложной слепоты» говорили «треклятый» или «вот незадача», невелики. Никто не будет обманут – в этом смысле никакой цензуры не произойдет.

И все равно я до конца не понимаю, что мне думать по этому поводу. В глубине души я до сих пор считаю, что должен был надеть пальто побелее и не поддаваться из чистого своеговольного упрямства. Маловероятно, что без «факов» книга будет читаться легче, чем с ними; в этом смысле удовольствие от чтения, скорее всего, будет подпорчено. С другой стороны, «Ложная слепота» и вообще не самое легкое чтение, даже для людей, у которых в анамнезе одна-две ученые степени. (Я же рассказывал вам о том умнике, который меня спросил, когда ее на английский переведут, гы-гы-гы, верно?) Мне неважно, насколько «углубленный» этот класс; если самая большая трудность, которая возникнет у них с чтением «Ложной слепоты», будет заключаться в ритмике ругательств, я посчитаю себя невероятным счастливчиком.

Да и вообще я должен считать себя невероятным счастливчиком. Есть целые библиотеки книг, к которым может обратиться любой учитель, если захочет приобщить детей к радостям чтения или вызовам научной фантастики; практически любая из этих книг известнее «Ложной слепоты», про-

ще для чтения и требует меньше работы. И все же эта женщина решила в одиночку поднять на гору тяжелый груз. Она стала Сизифом, потому что верит, будто написанная мной книга может быть важна для тех, кого она учит.

Как часто доводится писателю такое сказать?

На самом деле хорошего человека можно остановить

(Блог, 7 сентября 2016 года)

Точнее, если ближе к сегодняшней теме, хорошую женщину. Оказывается, что это даже не сложно: требуется только телефон или электронная почта и определенного рода позорная трусость.

Прочитирую Сизиф, которую представил в предыдущем своем посте:

«И снова здравствуйте, Питер.

Я с удовольствием прочитала пост в Вашем блоге, но, слава богу, не предложила его для чтения своему классу. Как оказалось, Сизиф из меня никакой, и, прежде чем мы успели приступить к изучению романа, кто-то из родителей написал директору электронное письмо, а еще один позвонил ему (со мной ни тот ни другой не общались) – оба были возмущены тем, что в школе проходят роман, некогда содержавший подобную лексику. Я сказала начальнику, совершенно, кстати, здравому человеку, отозвать собак. Если такая большая проблема возникла еще до того, как мы прочитали хоть одну отредактированную страницу, значит, потом случилась бы катастрофа. В будущем мы с ними прочитаем ваш рассказ „Посол“. А что до детей,

которые начали читать роман самостоятельно, то они были сильно разочарованы и спрашивают, нельзя ли им будет как-нибудь обсудить с Вами книгу по скайпу.

Спасибо, что Вы хотя бы откликнулись. Жаль, что все так обернулось; говоря словами Курта Воннегута, такие дела».

Так что недостаточно быть хорошей учительницей. Недостаточно быть неординарной учительницей. Недостаточно даже быть *сговорчивой* учительницей, настолько преданной своему делу, что она связалась со мной и заручилась моим согласием на поступок, который мы оба считаем совершенно гнусным, но который она готова была совершить для того, чтобы ученики получили доступ к новым идеям и новым способам мышления. Недостаточно принять позу и порезать прозу, и раздвинуть ягодицы в попытке задобрить эти орудие, бешеные плотские инкарнации эффекта Даннинга-Крюгера. Они не желают быть задобрены.

Недостаточно отрезать книге срамные места. То, что у книги такие места вообще были, – уже само по себе преступление.

Нам не известны имена подавших жалобы; они отважно нанесли удары под покровом анонимности. Название школы, где творится этот цирк, я знаю, но, если упомяну его здесь, учительницу уволят. Мне кажется любопытным, что те, кто так переполнен ханжеским гневом, так бесконечно уверен в собственной благодетельности, настолько боятся внимания.

Разве они не исполняют Божью волю? Разве не должны они гордиться делом рук своих?

Как ни странно, эти люди *не любят* быть на виду.

В конце концов, все это, скорее всего, неважно. Это ведь не единичный случай; он произошел в сердце страны, где взрослые чаще верят в ангелов, чем принимают эволюцию, страны, где – в соревновании за власть над полушарием – оранжевый демагог с нулевым самоконтролем в который раз сравнялся в популярности с корпоративным лакеем, радостно поддерживающим военных преступников. Проблема не в одном разгневанном родителе, не в одной школе и не в одном округе. Проблема – во всей ебаной стране. Проблема – в людях.

Назвать имена в одном конкретном случае – даже если бы это *действительно* принесло больше пользы, чем вреда, – было бы все равно что скovyрнуть одну болячку и надеяться, что вылечил оспу.

Однако вот они – делают все, что могут, в центре этого говношторма: Сизиф и все, подобные ей. Сегодня она проиграла битву, но я знаю этот тип людей.

Война продолжается.

Ответный огонь

(Блог, 11 июля 2016 года)

Уже как минимум три года – а скорее всего, и дольше – я ковырял перманентно незаконченный пост для блога, в котором пытался применить экономический подход к убийствам, совершаемым копами. Я его так и не выложил, по причинам, которые станут очевидны, когда я обрисую его суть. Основной постулат в том, что традиционные попытки исправить поведение полицейских обречены на провал по двум причинам:

1. Плата (для копа) за расстрел на улице среднестатистического чернокожего невысока; и
2. Плата за то, что ты не покрыв своего приятеля, когда он расстрелял кого-то на улице, высока.

Не думаю, что это какие-то особенно спорные заявления. Мы все знаем, как редко полицейских отдают под суд, даже когда есть видеозаписи того, как они душат человека до смерти или стреляют ему в спину. Поразительно высокая частота «отказа» нагрудных камер во время дежурств – уже не новость. Когда ты привык к подобной неуязвимости, почему бы не *позволить* себе немножко пострелять по мишеням, если вдруг захотелось?

Также ни для кого не является новостью и Синяя стена молчания. Очень сложно заставить копа пойти против со-

служивцев, потому что жизнь может зависеть от того, поддержит ли его напарник в критический момент. Прослывешь стукачом – и подкрепление может отвернуться как раз на те жизненно важные полсекунды, когда в тебя будет целиться кто-то *по-настоящему* опасный. (Однажды я сравнил взаимодействие граждан и полиции с отношением к змеям: 95 % из них могут быть безвредными, но все равно неплохой идеей будет, отправляясь в пустыню, захватить с собой антитоксин. Нет, сказал человек, с которым я разговаривал, копы хуже: в случае со змеями неядовитые 95 %, по крайней мере, не покрывают остальные пять, как могут.)

Итак: плата за убийство невысока. Плата за сдачу убийцы высока. Такова экономика сериала «Убойный отдел». Сдается мне, что единственный способ переломить текущую ситуацию – изменить экономические издержки. Например, что, если увеличить плату за то, что ты *не сдаешь* плохого копа? Что, если каждый раз, когда ты не выдаешь убийцу с жетоном, твои собственные шансы на выживание будут значительно уменьшаться?

Что, если мы начнем стрелять *в ответ*?

Не в виновного копа, конечно. К тому времени как все об этом узнают, он будет слишком хорошо защищен, слишком бдителен. Но что, если в отместку за каждого полицейского, которому сошло с рук убийство, в определенном радиусе – скажем, 200 миль – будет застрелен другой, случайный коп? Неважно, что он невиновен. На самом деле, в его невиновно-

сти и кроется весь смысл: заставить неядовитые 95 % перестать покрывать тех немногочисленных «паршивых овец», в которых, как нам постоянно говорят, и состоит суть проблемы. Задрать цену круговой поруки достаточно высоко, чтобы эти 95 % хорошенько задумались. Простая экономика.

Конечно, это никакая не справедливость: вы убьете невинного человека. Но мы давно миновали рубеж, за которым справедливость имела какое-то значение. Не видно никакой справедливости в количестве людей, которых полицейские расстреливают на регулярной основе (см.: killedbypolice.net). Очень мало справедливости в статистических данных, согласно которым в среднем на территории США шанс невооруженного чернокожего быть застреленным копами в 3,5 раза выше, чем у невооруженного белого (а в некоторых уголках этой благословенной страны – и в 20 раз выше)³⁶. Если кто-то скажет вам, что вы должны вести себя вежливо, уважительно и, главное, *неагрессивно*, он либо уже занял сторону (подсказка: не вашу), либо выпил примерно десять литров «Кулэйда».

Когда дело доходит до теории игр, «око за око» остается наиболее эффективной стратегией.

Я так и не выложил тот пост. Даже не закончил его. Главным образом потому, что решение казалось чересчур наив-

³⁶ Ross, Cody T. (2015). «A Multi-Level Bayesian Analysis of Racial Bias in Police Shootings at the County-Level in the United States, 2011–2014». PLoS ONE 10(11): e0141854

ным и примитивным. В мире радуг и единорожиков копы могли бы сложить два и два, понять, что убийства невооруженных чернокожих навлекают опасность на них самих, и прекратить свои злодеяния – но, если бы мы жили в мире радуг и единорожиков, копы вообще не убивали бы безнаказанно. В *нашем* же мире гораздо более вероятным кажется, что все только обострится, что полицейские силы по всем США – и так милитаризованным по самое не могу – переключатся в режим осады и будут считать вдвойне оправданной стрельбу по каждой тени (по крайней мере, по тем из них, что темнее). Они скорее всю чертову страну переведут на военное положение, чем отступят и потеряют лицо.

Не помогало и то, что я знал очень приличных людей, которые, так уж получилось, были копами – один ликвидировал последствия одиннадцатого сентября, другой даже читал мои книги и пишет свои – и хотя это ни на йоту не изменило бы логику аргументации, но случайное убийство – все равно не та судьба, которую я пожелал бы хорошим людям. Ведь, если подумать, это всего лишь фантазии, какие бы я ни находил им оправдания в экономике и теории игр. Они родились у меня в нутре, а не в неокортексе. Каждый раз, когда я читаю об очередном Филандо Кастиле или Олтоне Стерлинге, мне самому хочется начать швыряться бомбами. (Мое величайшее разочарование в Брюсе Кокберне случилось, когда он сдал назад после «If I Had A Rocket Launcher».)

Я хочу, чтобы эти мудаки *платили по счетам*, и знаю, что

этому не бывать.

О, возможно, убийц нынешнего месяца ожидают трудные времена – общедоступные доказательства *этих* преступлений оказались настолько неопровержимыми, что у политиков не было никакой возможности замести их под ковер. Однако вирусное видео произошедшего убийства не отправило в тюрьму убийц Эрика Гарнера.³⁷ Никого официально не обвинили в убийстве Сандры Блэнд. Убийца Сэмюэла Дю Бозе хотя бы ожидает суда,³⁸ но, учитывая историю подобных разбирательств, идущую аж от Родни Кинга, я не надеюсь на приговор. А ведь эти жертвы – счастливики, им «повезло» быть застреленными на камеру. А как же те куда более многочисленные люди, смерти которых произошли вне поля зрения объектива, чьи убийцы спокойно могут выдумать любую правдоподобную историю, не опасаясь противоречий или внимания судебной системы, которая непостижимым образом продолжает считать слова офицера полиции заслуживающими доверия?

Их продолжают убивать. А мы продолжаем рвать одежды на груди и направлять им наши *мысли и молитвы*, но сто-

³⁷ По состоянию на август 2019 года Дэниэл Панталео наконец-то был уволен из нью-йоркской полицейской службы. Это не тюрьма, но лучше, чем ничего. Немножко. <https://www.nytimes.com/2019/08/19/>

³⁸ После двух судов с нарушением процедуры обвинение отказалось инициировать третий; полицейский позже получил 350 000 долларов в качестве компенсации. https://www.huffpost.com/entry/former-university-of-cincinnati-cop-who-killed-sam-dubose-awarded-350000-settlement_n_5ab521bde4b054d118e26d7c

ит им перекрыть дорогу, или остановить парад, или проявить хоть частичку гнева, который совершенно оправдан, мы сразу сдаем назад и заявляем им, что с таким подходом они ничего не добьются. Мы повторяем одни и те же никчемные цитаты из Мартина Лютера Кинга о добродетели ненасилия, о мире как единственном способе достичь «понимания» и «братства» – как будто людям, которые наводят на них прицелы, на все это не насрать. Мы говорим им быть терпеливыми, позволить системе работать, потому что теперь у нас есть доказательства, все видели их на YouTube, на *этот* раз блядским копам не уйти безнаказанными – а те уходят. Раз за разом. Копы уходят безнаказанными.

И с чего чернокожее население должно беспокоиться, что испортит с нами отношения? С чего они должны давать нам очередной шанс выразить наше общее горе и глубочайшие соболезнования, только чтобы мы стали грозить им пальчиком в ту же секунду, как они создадут нам неудобства?³⁹ С чего им, спустя четверть века после Родни Кинга, верить, что все пойдет иначе в следующий раз, или в следующий, или в тот, что после него?

Что им еще осталось, кроме как вышибать клин клином? *Вот* из чего родились мои фантазии на тему теории игр: не из какого-то рационального пошагового многомерного анализа, а из сочувственной ярости. И пусть я мог бы прове-

³⁹ <http://www.theglobeandmail.com/opinion/the-bullies-of-black-lives-matter/article30746157/>

сти подобный анализ и прийти к тем же результатам; неважно, насколько рационально была бы сформулирована моя аргументация, неважно даже, скольких из вас она бы убедила, — все равно я всего лишь соорудил бы остроумное оправдание для того, чтобы спустить с цепи свой мозговой ствол. Я пытаюсь быть выше подобных вещей.

Но от этого мое затянувшееся молчание не казалось меньшим предательством какого-то принципа, который я никак не могу сформулировать.

Короче, я не выложил тот пост. А теперь мой сценарий все равно был реализован: пять копов мертвы, еще шестеро в критическом состоянии. Все, насколько мы знаем, невинны (хотя, будь они гражданскими с черной кожей, я уверен, что на Fox News уже указывали бы, что *они были отнюдь не ангелами...*) Все застрелены в отместку за убийства чернокожих, за грехи собратьев.

Единственное отклонение от моего сценария в том, что стрелявший живым не ушел. Его взорвали, использовав робота, который нес бомбу на руке, как будто пиццу доставлял.

Последствия стандартны. Народ «сплачивается». Пасторы и политики призывают к спокойствию. фейсбук, точно лишаем, порастает все теми же кингизмами и гандизмами. Все выражают поддержку сотрудникам полиции Далласа, которыми руководит чернокожий, превративший, судя по отзывам, свое управление в образец прогрессивной охраны по-

рядка⁴⁰ и, возможно, худшую мишень, какую мог выбрать Мика Джонсон. (Хотя стоит упомянуть, что этот самый прогрессивный начальник и эта самая прогрессивная охрана порядка, похоже, весьма непопулярны у рядовых сотрудников далласской полиции.) Как обычно, все это, видимо, не оказало никакого влияния на склонность отдельных копов стрелять в людей, а потом лгать об этом – например, в случаях с Альвой Бразилом⁴¹ и Делроном Смоллом⁴² (ну правда, господи Иисусе – можно было ожидать, что к нынешнему времени они притормозят со стрельбой хотя бы из-за того, как в этом свете выглядят, если уж не по другим причинам). Пока что ничего нового.

Вот только то там, то здесь по всем Соединенным Штатам *другие* люди начинают угрожать копам возмездием. Было и несколько⁴³ случаев настоящей стрельбы⁴⁴. Нападавших можно назвать подражателями. А может, лучшим определением будет «вдохновленные мстители».

Мика Джонсон становится примером.

Так что теперь? Неужели мы наконец-то достигли крити-

⁴⁰ <https://www.thestar.com/news/world/2016/07/09/dallas-killer-attacked-police-force-known-for-progressive-reform.html>

⁴¹ <http://thinkprogress.org/justice/2016/07/10/3796941/alva-braziel/>

⁴² <http://www.thedailybeast.com/cheats/2016/07/08/video-shows-off-duty-nypd-cop-shoot-man.html>

⁴³ <https://www.thestar.com/news/world/2016/07/08/highway-gunman-targeted-tennessee-police-officers.html>

⁴⁴ <http://www.cbc.ca/news/world/police-shootings-protests-retaliation-1.3671806>

ческой массы? Это кучка отдельных случаев или начало цепной реакции? Может, мы добрались до точки невозврата, и жизни черных станут достаточно важны, чтобы те начали открывать ответный огонь? Учитывая статистику, кто из вас станет винить их, если они так и поступят?

Что до меня, то я еще более рад, что не выложил в блог тот пост. По крайней мере, никто не сможет свалить на меня вину за события прошлых дней. (Не смейтесь – после моего поста о сожжении Трампом Америки как минимум один давний фэн полностью отрекся от меня из-за того, что я «пускаю его в расход», как будто мои размышления могут оказать хоть малейшее воздействие на политические события в США. Некоторые люди *серьезно* переоценивают мое влияние на мировую сцену.)

Я понятия не имею, что ждет нас дальше. И не уверен, что хочу иметь.

Я знаю только одно: если мы наконец-то, долгое время спустя, начинаем пожинать бурю – никто не может сказать, что она взялась из ниоткуда.

Дельфиний язык

(Блог, 6 декабря 2016 года)

Так общаются с инопланетным разумом: его пытаются и продолжают пытаться, пока не научатся отличать слова от воплей.⁴⁵
«Ложная слепота»

Хотите – верьте, хотите – нет, но приведенная выше цитата была вдохновлена кое-какими реальными исследованиями, касавшимися языка и дельфинов.

Честно говоря, источник вдохновения был несколько менее гротескным: исследователи научили пару дельфинов реагировать на конкретные стимулы (видишь красный круг – нажми носом желтую кнопку, и все такое прочее), потом рассадили их по разным бассейнам, но все равно позволяли общаться друг с другом. Покажи стимул одному, а панель помести в бассейн к другому. Дай им поговорить. Если дельфин в бассейне с панелью поплывет и нажмет верную кнопку, можно будет заключить, что они обменялись информацией устно: сделать вывод о наличии языка. Более того – ты запишешь звуки, содержащие в себе эту информацию, а значит, сделаешь первый шаг к пониманию вышеупомянутого языка.

⁴⁵ Перевод Д. Смушковича.

Насколько я помню, ученые вознаграждали верные реакции рыбным лакомством. Ученые из «Ложной слепоты» не знали, чем вознаградить *своих* пленных Чужих, – они не знали даже, чем проклятые твари питаются, – поэтому взяли кнут вместо пряника и за *неверные* реакции облучали шифровиков микроволнами, причинявшими им боль. Это было драматичнее и больше соответствовало тревожному нигилистическому духу книги. Однако принцип оставался тем же: задай одному существу вопрос, заставь другого на него ответить, проанализируй информацию, которой они обменялись, чтобы дать этот ответ.

Я забыл, прошли в итоге те дельфины испытание на речь или нет. Полагаю, что прошли – провальный эксперимент вряд ли попал бы в передачу о невероятном уме дельфинов – но если так, разве за прошедшее время мы не продвинулись бы дальше? Не должны ли мы знать как минимум те дельфиньи слова, которые значат «красный круг» и «желтая кнопка», и (раз уж мы говорим о *дельфинах*) «случайный беспорядочный секс»? Почему же в то время как дельфины, похоже, способны запомнить приличное количество наших слов – мы пока что не сумели обучиться ни единому их слову?

Я всегда велся на истории про дельфинов-как-братьев-по-разуму. Именно это и привело меня к изучению морских млекопитающих. Один из самых первых моих рассказов – написанный еще в старшей школе – повествовал об ученом, который живет во все более фундаменталистском обществе,

борясь с сокращением финансирования и враждебным отношением к его попыткам расшифровать язык дельфинов, потому что сама концепция нечеловеческого разума считается кощунственной. (В конце концов исследования закрывают, его стремление поговорить с дельфинами кончается ничем – однако в последней сцене его дельфины в аквариуме тихо беседуют на своем языке. Они, видите ли, решили не демонстрировать свою разумность. Они знают, так для них будет лучше.)

Так вот. Я посмотрел все выпуски Nova, проглотил все неврологические аргументы в пользу разумности дельфинов (Мозги *Tursiops* на 20 % больше наших! У их неокортексов более высокая складчатость и больше площадь поверхности!) Я читал книги Джона Лилли, принял его утверждения, что у дельфинов есть «дискретный язык», следил за его экспериментами, финансировавшимися флотом, во время которых люди плескались, погруженные по пояс, в специальных человеческо-дельфиньих обиталищах.

К тому времени как я начал свою магистерскую диссертацию (о морских свиньях – более тупых кузинах афалин), я сделался значительно скептичнее. Десятилетия исследований не привели ни к каким прорывам. Лилли полностью съехал с катушек и почти все свое время проводил, глотая кислоту в камерах сенсорной депривации и утверждая, что инопланетяне из «Галактического контроля совпадений» устраивают ему автокатастрофы. Даже научная фантастика охла-

девала к этой идее: в тех немногих книгах, где все еще фигурировали разумные дельфины («Кашалот» Фостера, серия о Возвышении Брина), они были искусственно усовершенствованными, а не природными гениями, которыми мы их когда-то считали.

Не думайте, мы не забывали, что китообразные все равно чертовски умны. Некоторые стратегии косаток по добыче корма – проявления тактической гениальности; дельфины успешно усваивают основы языка, если их обучать. С другой стороны, на это же способны и морские львы – а тот факт, что тебя можно обучить использованию орудия в неволе, еще не значит, что твой вид уже изобрел это орудие самостоятельно. Большая площадь поверхности дельфиньего неокортекса не выглядела настолько сверхчеловеческой, если учитывать, что *плотность* нейронов там была ниже, чем у нас, говорящих обезьян.

Поэтому я окончил аспирантуру, разуверившись в идее того, что дельфины – наши морские братья по разуму. Они были умны, но не *настолько* умны. Они могли выучить язык, но *своего* у них не было. И хотя я продолжал верить, что мы, ублюдки самодовольные, сплошь и рядом недооцениваем когнитивные способности других видов, но скрепя сердце согласился, что мы, видимо, до сих пор умнейшие ребята в городе. Это вызывало тоску – особенно если вспомнить, насколько чертовски тупыми мы выйдем большую часть времени, – но на это указывали данные. (Я даже напи-

сал еще один рассказ⁴⁶ о языке китообразных – более компетентный и гораздо более циничный – в котором мы в конце концов *разобрались* в языке косаток, только чтобы обнаружить, что они – совершеннейшие говнюки, которые построили свое общество на детском рабстве и с радостью готовы были продать своих детишек ванкуверскому Аквариуму за выгодную цену.)

Но теперь. Теперь Вячеслав Рябов – в журнале «Научно-технические ведомости СПбГПУ. Физико-математические науки» – утверждает, что язык у дельфинов все-таки есть.⁴⁷ Он говорит, что они общаются предложениями длиной до пяти, а возможно, и больше, слов. Научно-популярная пресса ухватила за его статью⁴⁸ – а почему нет? Я не мог быть единственным, кто ждал такого открытия десятилетиями.

И теперь, когда это случилось, я верю не до конца.

Во-первых, это был неконтролируемый эксперимент. Ни-

⁴⁶ http://www.rifters.com/real/shorts/WattsChanner_Bulk_Food.pdf. (Прим. пер: русский перевод рассказа «Грубый корм» вышел вместе с переизданием романа «Бетагемот».)

⁴⁷ <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405722316301177> (Прим. пер: русскоязычный оригинал статьи В. Рябова находится по следующей ссылке: https://phymath.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2016/3/10_88_101_248_2016.pdf)

⁴⁸ См.: <http://www.cnn.com/2016/09/13/europe/dolphin-languageconversation-research/>, <http://www.csmonitor.com/Science/2016/0912/Do-dolphins-use-language>, и <http://www.nationalgeographic.com.au/animals/dolphins-recorded-having-a-conversation-not-so-fast.aspx>

каких обученных дельфинов, реагирующих на сигналы, означающие «мяч», или «большой», или «зеленый». Рябов просто подслушивал пару необученных дельфинов – Яну и Яшу – болтавших в бетонном бассейне. Нам говорят, что дельфины прожили в этом бассейне двадцать лет и обладают «нормальным слухом». Нам не говорят, что значит «нормальный» и как это измеряется, однако бетон – акустический отражатель; нельзя не задаться вопросом, насколько в действительности «нормальны» условия, когда ты берешь существ, чья основная сенсорная модальность – это звук, и запираешь их в эхо-камере на два десятка лет.

Но оставим это; Рябов записал, как Яна и Яша обмениваются пятьюдесятью уникальными «некогерентными импульсами» в «пачках» до пяти импульсов каждая. Оба дельфина слушали друг друга не перебивая и не отвечали, пока другой не заканчивал говорить. Основываясь на этом, Рябов заключает, что «скорее всего, каждый импульс в пачках представляет собой слово разговорного языка дельфина, а пачка импульсов – это предложение». Далее он сравнивает эти дельфиньи «слова» с их человеческими эквивалентами. (Прежде всего, слова дельфинов намного короче человеческих – примерно 0,25 мсек – поскольку более широкий диапазон воспринимаемых ими частот означает, что все фонемы «слова» могут быть навалены друг на друга и произнесены одновременно. Каждое слово, каким бы длинным оно ни было, может быть произнесено за время, уходящее у нас на один слог.

Круто.)

Я нахожу это правдоподобным. Я совершенно не нахожу это убедительным. Во-первых, эти выводы не проходят тест «шифровика под пытками»: хотя импульсы и структурированы, невозможно узнать, какая информация на самом деле передается – и передается ли хоть какая-то. Если бы Яна стабильно совершала какое-то действие – скажем, опускалась на дно бассейна и тыкалась носом в сток – каждый раз, когда Яша издавал конкретную последовательность импульсов, было бы разумно предположить, что эта последовательность и спровоцировала действие, что это была своего рода просьба: «Чувиха, окажи-ка мне услугу и ткнись в эту решетку». Язык. Однако все, что у нас есть, – это два существа, поочередно обменивающиеся звуками, а дельфины далеко не единственные животные, которые на это способны. Если вы мне не верите – сгоняйте на YouTube и зацените беседующих кошек.

Никто не отрицает, что дельфины общаются друг с другом. На это способны многие виды. В природе полно животных, которые опознают друг друга по уникальному свисту, издают тревожные сигналы, особые для каждого вида хищников, используют специфические звуки, чтобы указать на источники пищи или предложить секс. У стад косаток есть собственные уникальные диалекты. Пчелы передают подробную информацию о том, как далеко и в каком направлении находится источник пищи, а также о ее качестве, виляя

друг перед другом задами. Мир наполнен информационным обменом; однако это все не грамматика, не синтаксис. Это не *язык*. Из самого существования упорядоченных импульсов не следует того, что, по словам Рябова, из него следует.

Он подкрепляет свою точку зрения напоминаниями о всяческих крутых вещах, на которые способны дельфины: они могут *изучить* грамматику, если это будет нужно, они могут узнавать изображения на телеэкране (скажем, реагируя на трансляцию поданного дрессировщиком сигнала так же, как отреагировали бы, если бы дрессировщик был рядом во плоти). Но все его примеры позаимствованы из чужих исследований; в результатах Рябова нет ничего, что указывало бы на упорядоченный язык в том смысле, в каком мы понимаем этот термин, ничего, что «косвенно подтверждает предположение, что в естественном разговорном языке дельфина каждый НИ – это слово с определенным значением», как он это формулирует.

Признаю, трактовка манящая. Этот поочередный обмен звуками определенно походит на разговор. Можно даже предположить, что отсутствие связанного поведения – тот факт, что Яна так и *не ткнулась* носом в сток, что никто из них не нажимал на кнопки и не получал рыбу, – означает, что они говорили о чем-то, чего не было в их непосредственном окружении. Возможно, они обсуждали *отвлеченные понятия*. Нам не доказать, что это не так.

С другой стороны, о говорящих кошках с YouTube можно

сказать то же самое.

Поэтому, по крайней мере пока, я вынужден отвернуться от заявления, что моя давняя подростковая мечта – вера, которая обусловила мою карьеру, – наконец-то подтверждена. Возможно, Рябов что-то и нащупал, но одной только возможности мало. Это печальное следствие принципа эмпиризма: чем больше ты хочешь, чтобы что-то оказалось правдой, тем меньше ты можешь себе позволить в это верить.

Но еще не все потеряно. Возьмем, к примеру, обыкновенных гринд. Они никогда не были в шорт-листе собратьев человека по уму – флот любил использовать их для разминирования, однако они никогда не получали того внимания, которое доставалось афалинам и косаткам, – тем не менее всего пару лет назад мы узнали, что у них в неокортексах почти в два раза больше нейронов, чем у нас.

Возможно, мы просто приглядывались не к тому виду.

**Затаившийся
полуколлективный разум
(Журнал Nowa
Fantastyka, февраль 2018)
(Блог, 25 июля 2018)**

Если вы следили за тем, что я пишу, хоть какое-то время, то знаете, какой интерес я проявляю к Кристе и Татьяне Хоган из Британской Колумбии. Я упоминал о них в примечаниях к «Эхопраксии», описывал их в интернетовских эссе; если вы видели мое выступление на «Пырконе» в прошлом году, то, возможно, помните, как я трындел о них, критикуя притязания Илона Маска на «нейронную пыль».

Разве можно меня винить? Пара сросшихся близнецов с объединенным мозгом? Уникальный нейронный канал – *таламический мост* – соединяющий их мозги точно так же, как мозолистое тело соединяет полушария в вашей собственной голове? Две девочки, способные видеть глазами друг друга, чувствовать прикосновения и вкус, которые чувствует другая, управлять конечностями друг друга – и, самое поразительное, общаться разум-к-разуму не разговаривая? Удивительно ли, что как минимум один нейробиолог назвал близняшек «новой формой жизни»?

Если сестры Хоган не захватывают ваше воображение, вы мертвы внутри. Я отслеживаю информацию о них почти со дня их рождения в 2006 году (год выхода «Ложной слепоты» – и, блин, как бы изменилась эта книга, родись они всего несколькими годами раньше!). Пытаюсь, по крайней мере.

Они не облегчают мне задачу.

Время от времени появляются кусочки информации. Биографические очерки в New York Times⁴⁹ и Macleans⁵⁰. Позитивненькие документалки⁵¹ от Канадской телерадиовещательной корпорации с избытком сахариновой трогательности, миленькой музыки и недостатком науки. Спустя одиннадцать лет СМИ расскажут вам, что Криста обрабатывает сигналы от трех ног и одной руки, а Татьяна – от трех рук и одной ноги. Мы знаем, что они всего лишь на полпути к истинному коллективному разуму, потому что их все еще двое; у таламического моста пропускная способность ниже, чем у мозолистого тела, и расположен он внизу, в подвале, вместе с сенсорной проводкой. (Мы можем лишь предполагать, с каким единым разумом имели бы дело, если бы канал был толще и располагался в верхней части мозга.) Мы знаем, что они делятся мыслями, не общаясь вслух, например, невербально договариваются устроить розыгрыш (хоть и не в

⁴⁹ <https://www.nytimes.com/2011/05/29/magazine/could-conjoined-twins-share-a-mind.html>

⁵⁰ <https://www.macleans.ca/new/canada/conjoined-twins-share-each-others-senses>

⁵¹ <http://www.cbc.ca/cbcdocspov/episodes/inseparable>

полной тишине; судя по всему, это сопровождается довольно большим количеством хихиканья). Близняшки называют это «разговором в головах». В 2013 году один из их неврологов заявил, что «сестры до сих пор не показали нам», разделяют ли мысли так же, как чувства, однако нейроны работают одинаково, передавая хоть ощущения, хоть абстракции; учитывая все поведенческие свидетельства, я бы сказал, что бремя доказательства того, что передачи мыслей *не происходит*, лежит на неверующих.

Мы знаем, что сестры Хоган – диабетики и эпилептики. Мы знаем, что у них задержка когнитивного развития. Мы знаем, что их эмоции всегда синхронизированы; вещества, провоцирующие радость, или горе, или злость, путешествуют через всю эту единую систему вне зависимости от того, чей мозг их произвел. Мы знаем, что Криста любит кетчуп, а Татьяна – нет. Мы знаем – а если не знаем, то можете быть уверены, что документалисты из Си-би-эс вдолбят в нас эту мораль еще как минимум дважды до ближайшей рекламной паузы, – что они Маленькое, Блядь, Божье Чудо.

Если внимательно просматривать видео, можно уяснить еще кое-что. Близняшки никогда не говорят «мы». Я часто слышал, как то одна, то другая говорит «моя сестра», но если они когда-то и называют друг друга по имени, в окончательный монтаж эти моменты не входят. Иногда они говорят друг о друге «я». У них как минимум очень интересное восприятие собственной личности.

Но это примерно и всё. Прошло одиннадцать лет, а у нас нет больше ничего.

Нам рассказывали об МРТ-сканировании, но ни одного результата мы ни разу не видели. (В самой свежей, прошлогодней, документалке⁵² близнецов показывают по пути на МРТ, только чтобы переключиться на что-то другое, прежде чем они успевают туда добраться; ну правда, как близнецы, сросшиеся под углом семьдесят градусов, вообще помещаются в одну из этих машин?) Есть множество упоминаний о сестрах Хоган в философской литературе⁵³ (по очевидным причинам) и даже в юридической⁵⁴ (по чуть менее очевидным: в одной работе автор рассуждает о том, как лучше наказать сросшихся близнецов, если только один из них совершил преступление). Ими полнятся сайты новостей и популярной науки. Какой-то идиот из сторонников Разумного Замысла даже воспользовался сестрами, чтобы попытаться нарисовать свежей помадой давно дискредитированную свинью дуализма (т. е. души).⁵⁵

Но где настоящие неврологические открытия, касающиеся этих близнецов? Научные работы? Google Scholar на-

⁵² http://www.cbc.ca/cbcdocspov/m_features/the-hogan-twins-share-a-brain-and-see-out-each-others-eyes

⁵³ См. <https://philpapers.org/rec/MRTPAT> и <https://link.springer.com/article/10.1007/s11098-014-0393-x>

⁵⁴ <https://academic.oup.com/medlaw/article-abstract/19/3/430/988661>

⁵⁵ <https://evolutionnews.org/2017/11/what-the-craniopagus-twins-teach-us-about-the-mind-and-the-brain/>

ходит единственную статью из выпуска University of British Columbia's Undergraduate Journal of Psychology за 2012 год – студенческую публикацию.⁵⁶ И даже эта статья – по большей части обзор публикаций о близняшках-краниопагах в медицинской литературе, с парочкой страниц радостных возгласов о том, Сколь Многому Могут Нас Научить Близнецы Хоган, присобаченных под конец. Статья 2011 года из New York Times описывает исследования, показавшие, что каждая из сестер способна обрабатывать визуальные сигналы от глаз другой, а затем признает, что результаты не были опубликованы.⁵⁷ И это *всё*.

Спустя одиннадцать лет после рождения самых неврологически феноменальных, философски поразительных, трансгуманистически релевантных созданий на планете мы не вынесли из этого ничего, кроме позитивных научпоповских статей и умилительных документалок. Неужели от нас правда ждут, что мы поверим, будто за больше чем десятилет не было никаких исследований, никакого сбора данных, никакого проникновения в суть натуральной *межмозговой коммуникации*, за исключением этих размытых банальностей?

Я, например, не поведусь на это ни на секунду. Эти нейробиологи, улыбающиеся нам с экрана, – Дуглас Кокрейн,

⁵⁶ <http://ojs.library.ubc.ca/index.php/ubcuyp/article/view/2521>

⁵⁷ <https://www.nytimes.com/2011/05/29/magazine/could-conjoined-twins-share-a-mind.html>

Джюльетт Хакин – они знают, что у них в руках. Возможно, они выяснили о природе человечества что-то столь ужасное, что боятся рассказывать об этом, опасаясь расправы и всеобщей паники. Было бы круто.

Но, скорее всего, они просто выжидают; сидят на все ширящейся сокровищнице данных, которые переопределят и изменят саму природу разума. Они просто не собираются делиться этими данными со всеми остальными, пока не наведут последний лоск на свои нобелевские речи. Не мне их винить. Возможно, я даже сделал бы то же самое на их месте.

И все равно. Ожидание сводит меня с ума.

А если среди вас есть инсайдеры, я убить готов за один взгляд на МРТ.

Чувиха с клитором и другие замечания по поводу «Звездного пути: Бесконечность»⁵⁸ (Блог, 10 августа 2016 года)

Когда-то я был ярым фанатом «Звездного пути».

В старшей школе я регулярно и благоговейно смотрел повторы оригинального сериала. Даже мультики смотрел. Скупал пересказы серий от Джеймса Блиша, потом (уже лучше написанные) от Алана Дина Фостера, а потом – бесконечную серию в основном непримечательных романов по Вселенной (среди авторов попадались и писатели вроде Джо Холдемана и Вонды Макинтайр). Перечитывал комментарии Джерролда и Уитфилда, пока из них страницы не начали вываливаться. Писал фанфики. Первым конвентом, который я посетил, был конвент по «ЗП», проходивший в отеле «Роял-Йорк» в середине семидесятых. Тем летом я работал в ночную сме-

⁵⁸ Примечание переводчика: поскольку устоявшееся наименование франшизы «Star Trek» на русском языке – «Звездный путь», в тексте используется именно оно, хотя «Бесконечность» («Star Trek Beyond») и предшествовавшее ей «Возмездие» («Star Trek Into Darkness») по воле прокатчиков выходили под названием «Стартрек». (Более того, поскольку название «Возмездие» в русском переводе уже носил один из предыдущих фильмов серии, «Nemesis» 2002 года, то во избежание путаницы «Into Darkness» в этом тексте будет фигурировать под более близким к оригинальному названием «Во тьму»).

ну в компьютерном отделе «Итон-центра»; пахал с десяти вечера до десяти утра, плелся на кон, чтобы провести там день, а вечером полз обратно на работу. (Мое самое яркое воспоминание о тех выходных – это Харлан Эллисон: вечером в пятницу он представил свою тогдашнюю жену как любовь всей своей жизни, а днем в воскресенье публично называл ее неверной шлюхой. Не могу точно сказать, что происходило между этими событиями. Возможно, я всё проспал.)

У меня где-то до сих пор валяются сделанные Францем Джозефом оригинальные чертежи корабля класса «Конституция» вместе с «Техническим справочником», «Медицинским справочником», «Путеводителем по „Звездному пути“», «Историей космонавтики „Звездного пути“», и даже – я не шучу – официальной «Поваренной книгой „Звездного пути“» (автором указана Кристин Чапел). Я всегда ненавидел третий сезон, но винил в нем NBC, а не Великую Птицу Галактики. Я стойко терпел «Неподвижный фильм»⁵⁹, с облегчением вздыхал на «Гневе Хана» и, стиснув зубы, продирался через первые два сезона «Следующего поколения», пока Джина Родденберри не отправили на покой и сериал не сделался наконец хорош.

Конечно, это все было в эпоху семидесятых-восемидесятых. В конце концов я устал тягать взад-вперед по стране че-

⁵⁹ «Неподвижный фильм» («Motionless picture») – прозвище, данное первому полнометражному фильму по «Звездному пути» («Star Trek: The Motion Picture») за обилие сцен, в которых ничего не происходит.

модан с книжками в мягких обложках и сдал бо́льшую часть из них в «Гудвилл». Я посмотрел «ГК9» лишь наполовину, не одолел и первого сезона «Вояджера», прежде чем сдать (честно говоря, я хотел бросить его еще на пилотной серии), и дотянул примерно до попсовой песенки на открывающих титрах «Энтерпрайза», прежде чем решил, что с меня хватит. Долгие годы после этого я был чист, трезв и гордился этим.

В чем суть? Я – что-то вроде специалиста по «ЗП». Я не просто знал эпизоды, я знал *сценаристов* (одним из самых счастливых событий в моей жизни был хвалебный отзыв Нормана Спинрада на мои книги в журнале Asimov's). Поэтому осмелюсь утверждать, что мое мнение, составленное по мере просмотра абрамсовских ребутов, не вполне дилетантское. Первый фильм мне в основном понравился, пусть даже он сошел с рельсов к третьему акту, пусть даже он взял и перетащил целую чертову планету (Дельта Вега) с самого края галактики (где она обитала в «Куда не ступала нога человека» из оригинального сериала) на взаимную орбиту с *Вулканом*, господи боже, с планетой, у которой нет спутника («Ловушка для человека»). «В тупизну» я в основном ненавижу по причинам, в которые здесь вдаваться не буду.

Отстав от всех на пару недель, мы все-таки посмотрели «Звездный путь: Бесконечность», обнадеженные блестящим рейтингом на Rotten Tomatoes (нет, я никогда не научусь): 216 отзывов от профессиональных критиков, 180 из которых

устроили фильму овацию. И, посмотрев наконец это кино лично, я не могу не спросить у этих снобских восемнадцати десятков: что вы, блядь, курили?

Для начала: забудьте о ненаучности. По крайней мере простите ее: «Звездный путь» никогда не был флагманом научной достоверности, и это нормально. Забудьте об изображении туманностей как непроглядных облаков из пыли и камней, расположенных так близко, что они вечно друг с другом сталкиваются. Просто примите на веру тот странный биологический механизм, который дарует бессмертие, обращая тебя в рогатую ящерицу (рогатую в смысле покрытую наростами, а не в смысле обманутую супругом). Забудьте о том, что пользоваться звездолетами *вообще* больше нет никакого смысла, потому что в «Звездном пути во тьму» нам показали транспортеры Федерации, без проблем дотягивающиеся от Земли до Клингона, и коммуникаторы, которые делают то же самое без сколько-нибудь заметного временного лага.

Отложим все это в сторону и задумаемся вот над чем.

Полосатая воительница Джейла прячется от сил Кролла в потерпевшем крушение «ФранкLINE», который она хитро укрыла с помощью голограмм, чтобы избежать поимки. Однако «Франклин» изначально был *кораблем Кролла*; и это Кролл уронил его на Альтаמיד, еще когда был Эдисоном. Так почему он не знает, что корабль все еще там, хоть и невидимый? Более того, если его разбитый звездолет неожиданно *испарился*, почему это не стало тревожным звоночком и не

привлекло внимание к убежищу Джейлы вместо того, чтобы спрятать его?

Кролл – как, предположительно, и вся его развеселая банда ящеромордых миньонов – на самом деле человек, физически изменившийся из-за побочного эффекта инопланетной технологии продления жизни. (И если его миньоны *не были* членами экипажа «Франклина», тогда пусть кто-нибудь, пожалуйста, объяснит мне, откуда они взялись: утверждается, что изначальные обитатели Альтамида покинули его столетия назад.) Тогда что это за странный чужой язык, на котором они общаются большую часть фильма, – тот, для понимания которого нам нужны субтитры? Я почти уверен, что это не французский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.